

Санкт-Петербургский государственный университет

СУЛИМОВА Татьяна Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

Просодия хезитационных прагматических маркеров в русской устной речи

Уровень образования: магистратура

Направление 45.02.04 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5621. «Русский язык»

Профиль «Русский язык»

Научный руководитель:
профессор, кафедра русского языка
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:
доцент, ФГАОУВО Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»,
Ахапкина Яна Эмильевна

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ХЕЗИТАЦИОННЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ	12
1.1. Хезитация как характерная особенность устной речи	12
1.2. Хезитационные явления в устной речи: возможные классификации	14
1.3. Хезитация и прагматические маркеры в устной речи	18
1.3.1. Единица ЗНАЧИТ: функционирование в устной речи.....	21
1.3.2. Единица В ОБЩЕМ: функционирование в устной речи	24
1.3.3. Единица В ПРИНЦИПЕ: функционирование в устной речи.....	26
1.4. Просодический аспект изучения прагматических маркеров	28
1.4.1. Просодические средства языка: краткая характеристика	28
1.4.2. Дискурсивная просодия: подходы к описанию.....	32
1.4.3. Изучение просодии ПМ: направления и результаты	33
1.5. Выводы по главе.....	36
ГЛАВА 2. ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ	37
2.1. Материал и методика исследования.....	37
2.2. Единица ЗНАЧИТ: функции, просодия, перцепция	39
2.3. Единицы В ОБЩЕМ и В ПРИНЦИПЕ: отношения между просодией и функциями	54
2.3.1. В ОБЩЕМ и В ОБЩЕМ-ТО: особенности реализации в разных функциях	54
2.3.2. Функциональные и просодические особенности единицы В ПРИНЦИПЕ	61
2.4. Выводы по главе.....	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	71

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ	84

ВВЕДЕНИЕ

Изучение устной спонтанной речи – важнейшее направление в лингвистике XXI века. Оно привлекает ученых по всему миру не только потому, что дает исследователю совершенно другой, отличный от речи литературно-письменной, языковой материал и, следовательно, позволяет делать новые заключения и выводы¹, но и потому, что именно устная и именно спонтанная речь, как ничто иное, близка к самой жизни, первична и в фило-, и в онтогенезе, ср.: «устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной. Она возникла раньше в истории человечества, и каждый из нас повторяет эту эволюцию в онтогенезе. Большинство человеческих языков и по сей день остаются бесписьменными. Наконец, даже те из нас, кто ежедневно практикует письменную форму языка, все равно намного больше пользуются устной речью. Из всего этого следует, что наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» (*Кибрик, Подлесская 2009: 26*). Ср. также: «Учитывая, что язык создан прежде всего для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» (*Балли 1955: 34*), «звуковая речь “главнее” письменной. Каждый человек говорит больше, чем пишет (и обычно слушает больше, чем читает)» (*Панов 1979: 4*), и «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка, ведь изучение грамматики сводится к наблюдению над существующим в языке: наблюдать же можно только то, что хорошо известно, а вполне хорошо известен детям (да и взрослым) только произносимый и слышимый язык. Кроме того, наблюдать полезно то, что живет, так сказать, полной жизнью и свободно развивается – таков произносимый язык; язык же написанный является до некоторой степени

---

¹ Ср.: «Речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно <...> предположить существование *лингвистики речи* (курсив мой. – Т. С.) наряду с лингвистикой языка» (*Мартине 1963: 389*).

мертвым языком и лишь насильно вталкивается школой в наши умы. Наконец, написанный язык живет не самостоятельно, а питается соками живого, произносимого языка – лучше же наблюдать источник жизни, нежели его наросты; к тому же в развитии произносимого языка участвуют силы всего народа, а письменного – лишь ничтожной его части» (*Щерба* 1957: 14-15); «Историческое языкознание, вынужденное самым предметом своим основываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удается находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках» (*Балли* 1955: 34).

Наблюдать этот «источник жизни» и «живые формы» современных языков призвана специальная отрасль языкознания – *коллоквиалистика*, которая разрабатывает *теорию разговорной речи* и своей целью видит рассмотрение проблем, связанных с анализом именно живого речевого материала (см. о коллоквиалистике подробнее: *Девкин* 1979; *Скребнев* 1985). Несмотря на свою относительную «молодость», коллоквиалистика уже демонстрирует вполне нетривиальные результаты.

Однако нельзя не подчеркнуть, что эти результаты не были бы возможны без *корпусной лингвистики*, которая сейчас, вне всякого сомнения, «переживает бум, в том числе в России» (*Кибрик, Подлесская* 2009: 18). Корпусные методы, с одной стороны, облегчают работу исследователя, с другой стороны, открывают перед лингвистами новые горизонты (см., например: *Захаров* 2005). Так, по мнению В. А. Плунгяна, корпус – «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» (*Плунгян* 2005: 13)². Обращение к корпусным

---

² Ср. также: «Можно сказать, что устная речь, став одним из объектов пристального внимания лингвистов разных направлений, с одной стороны, дала богатейший материал для наблюдений, исследований и выводов, а с другой – породила множество проблем, с которыми сталкивается ее описание и которые

данным позволяет «отчасти заглянуть в будущее русского языка» (Плунгян 2005: 9); а, по мнению А. Д. Шмелева, обращение к таким данным должно подразумевать каждое проводимое лингвистом исследование (Шмелев 2010: 236-237).

Можно сказать, что именно благодаря применению корпусных технологий к изучению устной речи исследователи обратили свое внимание на такие частотные, но ранее мало замеченные явления, как хезитация, редуцированные формы слов³, речевые сбои, парцелляции и особенно прагматические и дискурсивные маркеры⁴, а также многое другое, чем богата наша устная речь, ср.: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как хезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» (Кибрик, Подлеская 2009: 27).

Известно, кроме того, какую огромную роль в устной коммуникации играет *просодия*, исследовать которую можно, в том числе, с опорой на звуковые корпуса. Изучение многих характерных явлений устного дискурса по возможности должно проводиться с учетом их просодического оформления, ср.: «разговорный язык имеет особую ценность, потому что он

ставят преграды на заманчивом пути создания специфической речевой грамматики» (*Звуковой корпус...* 2013: 17).

³ См. подробнее о редуцированных (аллеговых) формах русских слов: *Звуковой корпус...* 2015; *Стойка* 2017; 2019.

⁴ Подробнее о прагматических маркерах (в более ранней терминологии – прагматемах) (ПМ) русской устной речи вообще и их отличии от дискурсивных маркеров в частности см., например: *Богданова-Бегларян* 2014, 2019а; *Bogdanova-Beglarian, Filyasova* 2018; *Zaides et al.* 2018.

открывает нам языковое значение музыкальных элементов речи (ударения, интонации, пауз и т. п.), играющих в грамматической структуре языка столь же важную, сколь и мало исследованную роль» (Балли 1955: 53).

В связи с этим **объектом** настоящего исследования является русская устная спонтанная речь, организованная в звуковой корпус. **Предмет** исследования – прагматические маркеры (далее – ПМ) в русской устной спонтанной речи.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей (функциональных, позиционных, просодических, перцептивных) единиц *значит, в общем/в общем-то и в принципе* в русской устной речи. Представляется, что для достижения поставленной цели необходимо решить следующий ряд **задач**:

- 1) обзор научной литературы о хезитации и прагматических маркерах в русском языке;
- 2) обзор словарных и грамматических описаний исследуемых единиц;
- 3) обзор научной литературы о просодии в русской речи;
- 4) создание пользовательского подкорпуса материала;
- 5) слуховой и инструментальный анализ материала в программе Praat (Boersma, Weenink 2021);
- 6) проведение перцептивного эксперимента;
- 7) описание просодических признаков ПМ;
- 8) сопоставление и интерпретация полученных результатов.

Источником материала для исследования стал корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), а именно блок речи юристов (см. о САТ подробнее: *Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017б, 2019а*).

Гипотеза исследования состоит в том, что хезитационные ПМ имеют специфические просодические черты. Так, акустически одна и та же единица (например, *значит*), являющаяся в одном контексте хезитационным ПМ,

будет отличаться от своего «близнеца» (функционального омонима) вводного слова, не испытавшего влияния прагматикализации, или прагматического маркера, но выполняющего иную функцию, в другом контексте. Такая гипотеза заслуживает проверки хотя бы потому, что хезитационные явления никак не связаны с содержанием речи, а «неартикулируемые элементы употребляются в тем большем количестве и приобретают тем большее значение, чем более имплицитным и недостаточным оказывается словарное выражение. <...> Интонация [в речи] никогда не отсутствует, хотя и носит тем менее выраженный характер, чем более понятным оказывается словесное высказывание» (Балли 1955: 39).

Прагматические маркеры сравнительно недавно обратили на себя внимание лингвистов, однако именно эти единицы являются яркой чертой естественной спонтанной речи. Исследователи анализируют ПМ через сопоставление их с полнозначными, «обычными», словами. В этом со- и противопоставлении обнаруживается специфика прагматикализованных единиц: лексическое и грамматическое значения ослабевают, уступая место прагматическому значению, т. е. функции. Если этот аспект многосторонне изучен лингвистами, то имеющееся описание просодического оформления прагматических маркеров нельзя назвать всеобъемлющим, в то время как именно в звучащей, «живой», коммуникации эти средства языка зачастую оказываются решающими. Предполагается, что в этом состоят *актуальность* и *научная новизна* настоящего исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в продолжении описания прагматических маркеров – весьма частотных и *ценных* единиц русской устной речи. Подтверждение гипотезы исследования, по сути, даст исследователям еще одно основание для сопоставления ПМ с полнозначными словами, разных функций ПМ, позволит углубить понимание их различий, а ее опровержение заставит вернуться к исходным

положениям, переосмыслить их или продолжить поиск особенностей ПМ на других уровнях.

Практическая ценность исследования видится в следующем: изучение просодических признаков ПМ может быть полезно и при решении многих прикладных лингвистических задач. Например, учет дифференцирующих просодических признаков ПМ, если такие действительно удастся обнаружить, может скорректировать ручное аннотирование корпусного материала и разрешить многие трудные вопросы лингвистической интерпретации. Результаты исследования могут быть применены не только при разметке корпусов, но и в решении задач автоматического анализа и синтеза речи, в преподавании русского языка как иностранного, в практике перевода (в том числе синхронного) и пр.

Основные **методы**, использованные в работе:

- слуховой;
- инструментальный;
- квантитативный (метод простых количественных подсчетов);
- статистический;
- описательный (контекстный анализ);
- сопоставительный;
- экспериментальный (проведение перцептивного эксперимента).

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы;
- 7) список использованных словарей и иных ресурсов.

В *первой главе* работы рассматриваются различные хезитационные явления, встречающиеся в спонтанной устной речи, и их возможные классификации. Дается определение двум понятиям: *прагматикализация* и *прагматический маркер*. Раскрываются основные отличия прагматических маркеров от полнозначных слов и от дискурсивных маркеров, а также определяется связь некоторых функциональных разновидностей ПМ с хезитационными явлениями. Особое внимание уделяется трем исследуемым единицам – *значит*, *в общем* и *в принципе*. Описываются их словарные значения и специфические для устного дискурса функции. Далее приводятся некоторые наблюдения над собственно просодическими особенностями прагматических маркеров: как в отечественных, так и в некоторых зарубежных исследованиях.

Во *второй главе* описываются материал и методика исследования, а также последовательно излагаются те особенности функционирования и реализации единиц *значит*, *в общем/в общем-то* и *в принципе*, которые удалось обнаружить на материале пользовательского подкорпуса.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях разного ранга:

- Четвертая студенческая конференция филологов и лингвистов (Санкт-Петербург, октябрь 2020 г.);
- XXIII и XXIV Открытые конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, октябрь 2020 г., апрель 2021 г.);
- Международная конференция молодых филологов (Тарту (Эстония), апрель 2021 г.);
- Девятый междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» (АР³-2021) (Санкт-Петербург, июнь 2021 г.);

- 27-я Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог», студенческая сессия (Москва, июнь 2021 г.) (ожидает рецензирования).

Результаты работы отражены в следующих *публикациях* автора:

1) Как понять, что значит «значит»? – О просодических свойствах маркера *значит* в русской спонтанной речи // Материалы XXIV Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург, 16-17 октября 2021 года [Электронный ресурс] – СПб., 2020 – С. 24;

2) *Двое из ларца, одинаковых с лица* – о просодических свойствах прагматических маркеров *в принципе* и в общем // Материалы Четвертой студенческой конференции филологов и лингвистов. Санкт-Петербург, 19-24 апреля 2021 года [Электронный ресурс].

3) Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог 2021 / Гл. ред. В. П. Селегей. – М.: РГГУ, 2021. – В печати (в соавторстве с: Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, Т. Ю. Шерстинова, Е. В. Трощенко, Д. А. Горбунова, К. Д. Зайдес, Т. И. Попова);

4) Мультимедийные средства как дополнительный способ установления статуса речевых единиц // Анализ разговорной русской речи (АР³-2021). Труды девятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2021. – В печати (в соавторстве с: Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Я. Шклярчук).

ГЛАВА 1

ХЕЗИТАЦИОННЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

1.1. Хезитация как характерная особенность устной речи

Хезитация – это транслитерация английского *hesitation*, что переводится как ‘колебание’, ‘сомнение’, ‘обдумывание’, иными словами – временные трудности, испытываемые говорящим в ходе вербализации (Кибрик, Подлеская 2009: 68). В традиционной лингвистике, которая ориентируется прежде всего на язык письменный, хезитации редко становятся «самостоятельным предметом изучения» (Подлеская, Кибрик 2007). Они «рассматриваются как досадная помеха, “замутнение” исходного языкового материала, доступного лингвистическому наблюдению» (*там же*). Кроме того, хезитации зачастую оцениваются и как нежелательное явление, «затрудняющее коммуникацию» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 149). Однако с недавнего времени исследователи признают, что такие колебания «представляют собой характернейшую особенность спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающую ее сиюминутность, творческий характер», а вычищенная от хезитаций, как бы «дистиллированная», речь воспринимается как искусственная: нарушается «процесс речевой коммуникации, поскольку паузы хезитации дают некоторую разгрузку и говорящему <...>, и слушающему» (*там же*: 149-150). Наконец, хезитация как способ преодоления речевого сбоя оказывается «неоценимым источником информации при обращении к языку с когнитивных, социологических и психологических позиций, а также при компьютерном моделировании порождения и понимания речи» (Кибрик, Подлеская 2009: 177).

В спонтанно порождаемой речи «различие между хезитационным членением и членением на фразы и синтагмы во многих случаях оказывается ослабленным или даже вовсе снятым» (*Фонетика спонтанной речи* 1988:

147), а, по наблюдениям Т. М. Николаевой, более компетентные говорящие даже стремятся к тому, чтобы «привести паузы хезитации к дыхательным паузам» (цит. по: *Кибрик, Подлесская 2009: 68*). Однако природа хезитаций все же совершенно иная. В речевой деятельности человека они возникают по разным причинам, и именно с установления этих причин английские и американские лингвисты в 50-е гг. XX в. начали изучение хезитаций. Основная причина – это, конечно, проблема выбора речевых единиц и планирования предложения в целом. Так объяснял хезитационные паузы, например, американский лингвист Ф. Лоунсбери (*Lounsbury 1954*), а позже – Х. Маклей и Ч. Осгуд (*Maclay, Osgood 1959*) и Ф. Голдмен-Эйслер (*Goldman-Eisler 1972*). Перечислим известные на сегодняшний день причины появления хезитаций:

- 1) физиологические (перевод дыхания, какие-либо трудности со здоровьем, например, астма);
- 2) языковые (выбор или поиск подходящего варианта произнесения, подбор слова, продумывание морфологических и синтаксических связей);
- 3) психолингвистические (тип темперамента, привычный темп речи, волнение, словарный запас, полнота знаний о предмете разговора);
- 4) социолингвистические (уровень речевой компетенции, уровень владения языком, тип речевой культуры, профессиональная принадлежность, уровень образования, возраст);
- 5) экстралингвистические (коммуникативные условия, степень подготовленности речи) (*Звуковой корпус... 2013: 163-164*).

В науке говорят о двух разных подходах к пониманию хезитации. С одной стороны, можно изучать только сами *паузы хезитации* (ПХ) – «остановки в речи, во время которых говорящий осуществляет выбор слова, производя заполнение конкретной лексической единицей позиции в уже сформированной синтаксической схеме высказывания» (*Фонетика спонтанной речи 1988: 149*). ПХ могут быть как «пустыми», физическими,

ничем не заполненными, так и заполненными. С другой стороны, возможно более широкое понимание хезитации как «различного рода перестройки “на ходу” структуры высказывания – добавления, исправления, возвраты, подхваты» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 149). Такое «продумывание речи одновременно с ее порождением и восстановлением ее структуры» (*Звуковой корпус...* 2013: 131) наступает в результате *речевого сбоя* – нарушения плавного развертывания речевого потока (*Кибрик, Подлесская* 2009: 177). Собственно паузы хезитации (и «пустые», физические, и заполненные) в этом случае понимаются как одна из разновидностей *хезитационных явлений (ХЯ)*.

1.2. Хезитационные явления в устной речи: возможные классификации

Очевидно, что ХЯ весьма разнообразны, поэтому существуют различные их классификации.

Так, Н. Н. Розанова в одном из ранних исследований, посвященных русской разговорной речи, предлагает выделять *хезитацию-самоперебив* с целью перестройки высказывания и *хезитацию-обдумывание*, при этом для последней характерно наличие паузы на месте обрыва, тогда как первые могут не иметь пауз вообще (*Розанова* 1983: 67-68). В более поздних работах разных лингвистов наблюдается отказ от соединения двух понятий – *хезитация* и *самоперебив*, – однако само явление *самоперебива* не отрицается и включается многими исследователями в разряд ХЯ. Рассмотрим другие типологии.

Во-первых, собственно ПХ можно различать по их локализации в структуре дискурса. Исследователи противопоставляют, например, *внутрисинтагменные* паузы, «разрывающие словосочетания с тесной смысловой и синтаксической связью», – *межсинтагменным* (межфразовым), когда происходит «сращение интонационно-смыслового членения с хезитационным» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 150). Московские

исследователи, отказавшись от терминов *синтагма* и *фраза*⁵ и оперируя понятием *элементарной дискурсивной единицы* (ЭДЕ), аналогично различают паузы *внутренние* (не между разными ЭДЕ, а внутри одной) и *пограничные* (периоды времени, которые говорящий затрачивает на обдумывание очередного «шага» своего дискурса) (Кибрик, Подлесская 2009: 65-66).

Во-вторых, ПХ, как уже было сказано, различаются по принципу их заполненности/незаполненности. Незаполненная ПХ образует перерыв в звучании, это физическая пауза, отсутствие всякой фонации. Здесь интересно посмотреть, как и чем пауза может быть заполнена.

Так, В. И. Подлесская и А. А. Кибрик выделяют два подкласса заполненных пауз: «простые (состоящие только из вокализации определенного типа) и смешанные (включающие чередующиеся последовательности вокализаций и их отсутствия)» (*там же*: 67). При этом, по их наблюдениям, существует интересная корреляция между локализацией паузы и ее заполненностью: «заполненные паузы в гораздо большей мере, чем абсолютные, тяготеют к внутренней локализации» (*там же*: 68). Исследователи выделяют и другие сигналы речевых сбоев: гортанная и губная смычка, удлинённая реализация фонем, обрыв и разрыв слова, лексические маркеры речевых сбоев и затруднений, самоисправления, неполные ЭДЕ (*там же*).

Рассмотрим и некоторые другие классификации. Так, согласно О. А. Александровой и В. В. Иваницкому (*Александрова, Иваницкий 2003*), ХЯ предстают в следующих вариантах:

- 1) вокализация (э-э, м-м, гм);
- 2) затяжки звуков (удлинение гласных и согласных звуков);
- 3) паузы вербального поиска:

3.1) десемантизированные модальные и вводные слова и выражения;

---

⁵ О некоторых трудностях, возникающих в связи с понятием *синтагмы* применительно к анализу спонтанной речи, см., например: Степанова 2006; Раева, Риехакайнен 2015.

- указательные, притяжательные, определительные местоимения и указательные местоименные наречия (*так сказать, значит, ну, это, вот, этот, самый, как бы, какие-то, как-то, там...*);
- 3.2) метатекстовые комментарии – вставные фразы говорящего, обращенные к самому себе или к адресату, которые обеспечивают непрерывный контакт с собеседником (*как вы знаете, видите ли, понимаете...*);
- 3.3) непреднамеренные повторы, среди которых выделяется полный или частичный повтор слова, а также повтор словосочетания;
- 3.4) плеоназмы (*очень прекрасный, более интереснее*);
- 3.5) стереотипы, штампы (*ради Бога, реклама – двигатель торговли*).
- 4) невербальные паузы (покашливания, вздохи, смех, прочищение горла, цоканье языком, кинестетические элементы);
- 5) самопрерванные конструкции: незаконченные высказывания, рестарты (повторные начала), фальстарты (неудачные начала).

Интересно, что в другой работе (Александрова 2004) О. А. Александрова углубляет понятие хезитации и предлагает различать два термина: *пауза хезитации* и *пауза колебания*. Это позволяет исследователю описать одно и то же явление, но с разных сторон – внутренней, ментальной, деятельности (*колебание*, то есть сомнения, возникающие у говорящего) и внешней (проявление этих сомнений в виде перерывов в речи).

Любопытную типологию ПХ предложил А. Д. Шмелев: «В реальной русской устной речи многие говорящие не только используют разного рода слова-паразиты, но, кроме того, часто *хмыкают* и *мекают...*» (Шмелев 2005: 524). *Меканье* разграничивается на три подтипа: делимитативное (на границах синтагм, маркер членения речи), собственно хезитативное (указывает на коммуникативные затруднения) и замедляющее (знак того, что говорящий еще не закончил и не передает слово собеседнику) (*там же*: 527).

С. Б. Степанова уделяет особое внимание позиции ХЯ в речевом

потоке, в результате чего получается очень подробная и более «фонетическая» типология:

- физическая пауза (незаполненная, перерыв в звучании);
- физическая пауза внутри синтагмы;
- пауза, полностью заполненная речеподобным звуком (*м-м-м, э-э-э*);
- речеподобный звук в начале синтагмы;
- речеподобный звук в конце синтагмы;
- речеподобный звук в середине синтагмы;
- затяжка последнего в речевом отрезке звука;
- затяжка первого звука в интонационной единице;
- затяжка звука внутри синтагмы;
- хезитационный повтор;
- паузы хезитации, заполненные «словами-паразитами»;
- фальстарт (оговорки, запинки типа заикания) (*Степанова 2006*).

По мнению А. А. Белицкой (*Белицкая 2014*), к хезитационным явлениям можно отнести:

- вокализации (*э-э, м-м, гм*);
- затяжки звуков (*ходил в кино-о на-а выходных; он даже не с-смог видеть*);
- «пустые» вводные слова, выражения, местоимения, наречия (*так сказать, значит, ну, это, вот, этот, как бы, как-то, там* и др.);
- вставные слова или фразы говорящего – метатекстовые комментарии, обращенные к адресату или к самому себе, обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником (*как вы знаете, видите ли, понимаешь* и др.);
- непреднамеренные повторы, в том числе частичный повтор (*я хотела ла*), полный повтор слова (*он купил **купил** новый блокнот*), и даже повтор целого словосочетания (*это было на летних каникулах **на летних каникулах***

в деревне);

- невербальные паузы колебания – покашливания, вздохи, смех, цоканье языком;
- самопрерывания, в том числе рестарты – повторные начала (*общ... общение с начальником*) и фальстарты – неудачные начала (*не афиш... с глазу на глаз поговорить*);
- незаконченные высказывания, в которых смысл, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих.

Остановимся подробнее на так называемых «пустых» словах.

1.3. Хезитация и прагматические маркеры в устной речи

В отечественной лингвистике Т. М. Николаева впервые поставила вопрос об изучении так называемых «пустых» единиц (*Николаева 1970*). Интересно, что для обозначения лексических заполнителей пауз хезитации (например, *знаешь, понимаешь, значит, вот, это самое* и др.) так и не существует единого термина, ср.: частицы разговорной речи (*Васильева 1964*), незначительная лексика, лишние слова (*Сиротинина 1974: 71, 73*), вставные элементы (*Ладыженская 1985*), слова-заменители (*Земская 1987*), дискурсивные слова (*Баранов и др. 1993; Дискурсивные слова... 1998, 2003; Тоттола 2008*), текстовые коннекторы (*Касаткин, Касаткина 2000; Бокале 2010*), слова-паразиты (*Шмелев 1998; Дараган 2000; Разлогова 2003; и др.*), маркеры препаративной подстановки (*Подлесская, Кибрик 2006*) и др.

В настоящем исследовании, вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, для обозначения подобных единиц используется термин *прагматические маркер*, преимущество которого видится в неременном указании как на происхождение рассматриваемых единиц, так и на их «предназначение»: «Источником их “рождения” в дискурсе служат полноценные речевые единицы, которые подвергаются процессу *прагматикализации* и в результате

практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, то есть выполняют в дискурсе только определенные функции: маркируют начало или конец реплики или монологического текста, смену темы или коммуникативной стратегии (*значит, ну вот, всё*), указывают на чужую речь (цитирование) (*такой/ая/ие, типа (того что), grit* и под.), вербализуют колебания (хезитацию) говорящего (*это самое, как его (её, их), там*), его рефлексии по поводу сказанного или готовящегося к произнесению (*или как там? или как сказать? или кто?*) или самокоррекцию (*это, это самое*), отмечают метакомментирование речи (*знаешь, понимаешь, да, (я) не знаю, что ещё?*) и т. п.» (*Прагматические маркеры...* 2021: 11-12). Обратим внимание на то, что *прагматика* ПМ разнообразна: исследователи выделяют, как минимум, 10 основных функций ПМ, и заполнение пауз хезитации – лишь одна из них. Разработанная классификация ПМ опирается именно на функции, которые выполняют ПМ в дискурсе (*там же*).

Заметим, что ПМ понимаются как совершенно особый класс единиц: это не «полноценные» слова⁶ и не дискурсивные маркеры/слова, а исключительно функциональные единицы, употребляемые практически неосознанно, на уровне речевого автоматизма (*там же*: 11). Отличия ПМ от «полноценных» слов можно свести к следующему:

- частичное или полное ослабление лексического значения и даже его утрата (ср.: «происходят изменения в семантике лексических единиц: <...> уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» (*Богданова-Бегларян* 2014: 10);
- закрепление определенной формы и утрата парадигмы грамматических форм (*Граф* 2012; *Богданова-Бегларян* 2019б);

---

⁶ Однако «внешне» ПМ очень похожи на слова, от которых они «произошли», и поэтому, по выражению А. Д. Шмелева, «значимое» и «незначимое» («паразитическое») употребление прагматических маркеров не всегда легко разграничить (*Шмелев* 2005).

- утрата синтаксических функций или синтаксическая обособленность (отсутствие связей с окружающим контекстом), возможность изъятия из контекста без разрушения синтаксической и логической цельности и связности (*Frank-Job* 2006);

- появление функции («прагматического компонента») (*Богданова-Бегларян* 2014: 10).

С другой стороны, ПМ отличаются и от дискурсивных маркеров (ДМ). Вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, будем считать эти классы единиц нетождественными, имея в виду следующие их различия:

1) ПМ употребляются говорящим бессознательно, рефлексивно, на уровне речевого автоматизма VS ДМ вводятся в текст осознанно, прежде всего с целью его структурирования (например, вводные или служебные слова);

2) ПМ не имеют (или имеют, но ослабленное, почти исчезнувшее) лексического и/или грамматического значения; находятся фактически вне системы частей речи, включая и категорию частиц VS ДМ являются однозначными лексико-грамматическими единицами устного дискурса;

3) ПМ употребляются только в устной речи или ее стилизациях в художественном тексте VS ДМ встречаются как в письменном тексте, так и в устной спонтанной речи;

4) ПМ демонстрируют отношение говорящего к самому процессу порождения речи или к его результату, вербализуя все затруднения и колебания, и являются зачастую метакоммуникативными единицами VS ДМ либо структурируют текст (вводные слова, служебная лексика), либо передают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает;

5) ПМ, во всем их функциональном разнообразии, находятся практически вне лексикографической фиксации и, как правило, остаются за рамками лингводидактики и различных прикладных систем обработки речи VS ДМ являются частью традиционной лексикографии, будучи лексемами,

с одной стороны, а также рассматриваются в дискурсивных исследованиях как операторы структурирования высказываний, с другой стороны (*Прагматические маркеры...* 2021: 12-13).

Итак, завершая общий обзор специфики ПМ, вернемся к хезитационным прагматическим маркерам (ХПМ) – именно этот класс функциональных единиц находится в центре внимания в настоящем исследовании. Как было сказано выше, ХПМ – лишь один из 10 видов ПМ, существующих и обнаруженных в современной русской устной спонтанной речи. Возможно, с этого класса и началось комплексное исследование ПМ, а если не именно с ХПМ, то с самой *хезитативности*, ср. даже первоначальное название ПМ: «Из всего многообразия терминов для единиц, способных вербально заполнять паузу хезитации в устной речи, <...> наиболее удачным представляется наименование “*вербальные хезитативы*”, поскольку именно вербально выраженная хезитация является универсальной функцией этих единиц в речи. Все они, как правило, полифункциональны, т. е., помимо хезитационной и параллельно с ней, выполняют в речи еще множество других функций: дискурсивную, поисковую, метакоммуникативную, ритмообразующую, функцию маркера самокоррекции и некот. др.» (*Богданова-Бегларян* 2013: 126-127).

В настоящем исследовании из 60 базовых единиц, описанных в словаре ПМ (*Прагматические маркеры...* 2021), анализируются только три: *значит*, *в общем/в общем-то* и *в принципе*. Подробное обоснование выбора именно этих единиц будет дано в разделе, посвященном методике и материалу исследования. Анализу предшествует поиск и обработка значений, функций, описаний этих единиц, зафиксированных словарями и грамматиками русского языка.

1.3.1. Единица ЗНАЧИТ: функционирование в устной речи

Академические словари характеризуют единицу *значит* как разговорное *вводное слово* со значением ‘следовательно, стало быть’, как

единицу, которая употребляется в качестве *связки* (вроде *это, это есть*) при сказуемом, выраженном неопределенной формой глагола, или как *союз* в значении ‘таким образом, следовательно’ (МАС 1985: 618; БТС 2000: 368). В БТС упоминается способность слова *значит* выступать в составе союзов *а значит, и значит*, в значении ‘и поэтому, стало быть, следовательно’. «Корпусная грамматика» (Пекелис 2018) определяет *значит* как *коррелят*, который употребляется при союзах, выражающих значение обусловленности (условие, причина и под.). Этимологически исходным для всех перечисленных значений является, конечно, глагол *значить*, с которым, как отмечает «Корпусная грамматика», «на синхронном уровне *значит* отчасти сохраняет связь» (там же). Заметно, что значения единицы *значит* в качестве вводного слова и союза⁷ очень схожи, свести их можно к значению *выражения следствия*⁸.

Однако этим потенциал единицы *значит* не исчерпывается. Так, «Русская грамматика» упоминает ее среди вводных слов и сочетаний, способных употребляться в роли почти *пустых* вставок, таких, например, как *так сказать, скажу вам, надо сказать, главное, собственно (говоря)* (Русская грамматика 1980: 229). Это отмечают и другие исследователи (см., например, Сиротина 1974; Гаспаров 1978; Земская 1987; Фонетика спонтанной речи 1988; Дараган 2000, 2002, 2003; Шмелев 2004; Кибрик, Подлесская 2009).

Такое «повышенное» внимание исследователей к слову *значит* можно объяснить, обратившись к данным по частотности этой единицы в устной речи. Так, в «Словаре значимой лексики живой устной речи», который

---

⁷ Функции коррелята и связки – результат *грамматикализации* единицы *значит*, в этих случаях ее значение оказывается утраченным. О грамматикализации см. подробнее, например: Hopper 1990, 1994; Bybee et al. 1994; Lehmann 1995; а также большой обзор соответствующей литературы: Зайдес 2020.

⁸ Так, В. В. Виноградов писал о *значит*, что эта единица выражает «отношение содержания какого-либо отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания» и обозначает «разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению» (цит. по: Ильминская 1983).

входит в «Новый частотный словарь русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова и опирается на материал *устной непубличной речи* (1 017 568 токенов) устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, *значит* как вводное слово⁹ имеет 49 ранг и частоту 1110 ipm (сокр. от *instances per million words* – частота употребления единицы на миллион словоформ) (Ляшевская, Шаров 2009). Выделяется и частица *значит*, она имеет более низкий ранг 419 и ipm 17.6 (*там же*). По данным другого корпуса – корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД)¹⁰, – единица *значит* имеет 46 ранг, относительную частоту 0,25 % при общем объеме выборки 232 370 словоупотреблений (Шерстинова 2016). Данные двух корпусов, конечно же, неодинаковы, однако все же позволяют утверждать, что слово *значит* весьма частотно в устной русской речи. Возможно, частотно оно именно потому, что употребляется носителями языка на уровне речевого автоматизма, как та самая *пустая вставка* или – прагматический маркер, имеющий определенный набор функций.

В словаре ПМ для единицы *значит* выделяются две функции: хезитационная и разграничительная. Кроме того, встречаются полифункциональные употребления, ср.:

- *и потом постепенно / **значит** он уже там / (м...м) они уже такие совсем (...) такие / где-то лет там (...) за шестьдесят (Прагматические маркеры... 2021: 146-150).*

Ю. В. Дараган выделяет и другие функции маркера *значит*: «возврат к основной теме дискурса» и показатель цитирования, иными словами – маркер-ксенопоказатель (Дараган 2002).

---

⁹ В словаре этой единице приписана помета *adv*, этот класс включает, как пишут создатели словаря во введении к нему, наречия, предикативы и вводные слова.

¹⁰ Подробнее об ОРД см. *Asinovsky et al.* 2009; *Русский язык...* 2016; *Bogdanova-Beglarian et al.* 2016 a, b; *Богданова-Бегларян и др.* 2017a; 2019г.

1.3.2. Единица В ОБЩЕМ: функционирование в устной речи

Для единицы *в общем* МАС предлагает весьма лаконичное лексикографическое описание внутри словарной статьи на прилагательное *общий*: ‘в конечном результате, в итоге’ (МАС 1986: 578). БТС определяет *в общем* как *наречие* со значение ‘в итоге, вообще’; как *вводное словосочетание* с двумя значениями: ‘короче говоря, словом’ или ‘в сущности, по существу’ (БТС 2000: 692). Отдельно (и с некоторыми отличиями) идет форма *в общем-то*: как наречие ‘в достаточной степени, в основном’, ‘вообще, обычно’ и как вводное словосочетание ‘в сущности, по существу’.

В общем как дискурсивный маркер (ДМ) описывается в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» (Баранов и др. 1993). Авторы выделяют две модификации ДМ *в общем*: говорящий «усредняет» некоторые признаки ситуации или же «резюмирует» что-то, отбросив второстепенные детали (*там же*: 120-121). Форма *в общем-то* добавляет к «усреднению» некоторую идею неочевидности этого для говорящего (‘как ни странно’), при этом исключено ее употребление в качестве резюмирующего ДМ (*там же*).

Слово *в общем* привлекло и внимание исследователей из Лаборатории служебного слова. В их «Словаре служебных слов русского языка» (*Словарь служебных слов...* 2001) «модально-служебному» слову *в общем* посвящена целая словарная статья. Выделяется *в общем-1*, значение которого формулируется так: «Указывает на то, что выбранная говорящим характеристика основана на отвлечении от несущественных (с точки зрения говорящего) деталей и представляется ему наиболее адекватной по сравнению с другими возможными» (*там же*: 301). Отмечается, что *в общем* придает высказыванию «характер некатегоричности» (*там же*: 302). В отличие от первого случая, *в общем-2* «указывает на обобщение на основе: 1) отношений общее-частное <...>; 2) причинно-следственной связи между ситуациями <...>; 3) синтеза всей имеющейся информации о каком-либо

предмете, явлении, ситуации, с целью подведения окончательного итога» (*Словарь служебных слов...* 2001: 304).

В той же Лаборатории служебного слова, но уже в диссертации Г. М. Крыловой (*Крылова* 2002), дано более подробное описание целой группы лексикализованных предложно-падежных словоформ (в т. ч. *в общем*), объединенных общностью прагматического потенциала, – наличием *обобщающе-ограничительного* значения. Н. С. Милянчук, исследуя некатегоричность высказывания в научном стиле современного русского языка, дополняет группу словоформ, выделенных Г. М. Крыловой, и говорит о том, что «слова с обобщающе-ограничительным значением, актуализируя один из вариантов трактовки ситуации (обобщающий вариант, данный в отвлечении от подробностей), тем самым сигнализируют о наличии других, альтернативных, трактовок» (*Милянчук* 2016: 163).

Все перечисленные выше значения единиц *в общем/в общем-то* – это значения в первую очередь дискурсивного маркера. Однако «Русская грамматика» упоминает форму *в общем* (как и *значит*) и среди пустых вставок (*Русская грамматика* 1980: 229). Рассмотрим далее функции ПМ *в общем*.

Словарь ПМ выделяет три функции для маркера *в общем*: хезитационную, разграничительную и изредка – функцию самокоррекции (*Прагматические маркеры...* 2021: 51). Отмечается специфическая особенность единицы *в общем* – ее «способность, как правило, после неудачного поиска, “сворачивать” описание ситуации» (*там же*: 49). Ю. В. Дараган выделяет, кроме того, функцию «структурной редукции»: сокращение структуры текста или снижение объема передаваемой информации (*Дараган* 2003). В Словаре ПМ именно эта функция (маркера-заместителя, который употребляется взамен чужой речи, ряда перечисления или его частей) не отмечена, однако, как представляется, ее стоит иметь в виду.

Отметим, что, по данным различным частотных списков, единица *в общем* не так «популярна» в устной речи, как, например, *значит*. Так, прилагательное *общий*, по данным уже упомянутого «Словаря значимой лексики живой устной речи» (Ляшевская, Шаров 2009), имеет 135 ранг при относительной частоте 1200.7 ipm в подкорпусе устной непубличной речи. Однако это все же прилагательное, а не форма *в общем*. Особенно ценным в исследовании подобных единиц оказывается Частотный словник прагматических маркеров в Словаре ПМ (Прагматические маркеры... 2021: 42-43). Списки с частотами (как абсолютными, так и относительными) ПМ получены по материалам двух корпусов: ОРД (объем выборки 300 тыс. токенов) и САТ (объем выборки 50 тыс. токенов). Итак, по данным ОРД, ПМ *в общем* имеет 39 ранг, его ipm равен 13, а по данным САТ, относительная частота единицы *в общем* равна 340 ipm¹¹. Все это говорит о довольно низкой частотности ПМ *в общем* в устном дискурсе¹².

1.3.3. Единица В ПРИНЦИПЕ: функционирование в устной речи

Лексикализованная предложно-падежная форма *в принципе*, так же как и форма *в общем*, описана в периферийной зоне лексико-семантической характеристики существительного *принцип*: ‘в основном, в общем’ (МАС 1984: 428; БТС 2000: 984). В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» предлагается более развернутое значение: ‘общая характеристика, свободная от случайных и несущественных особенностей’ (Баранов и др. 1993: 133). ДМ *в принципе* имеет три модификации:

- вводит отрицательное утверждение, которое, получая статус закономерности, выполняется при любых условиях;

---

¹¹ Для сравнения приведем данные о ПМ *значит*. По данным ОРД, *значит* имеет 9 ранг и 527 ipm. По данным САТ, ipm маркера *значит* составляет 1980.

¹² Можно предположить, что если *высокая частота встречаемости* в речи – характерный признак прагматикализованных единиц (Прагматические маркеры... 2021: 11), то форма *в общем* как раз «поймана» во время своей прагматикализации и еще сохраняет тесную связь со своими непрагматикализованными «близнецами».

- указывает, что статус закономерности, приписываемый утверждению *P*, предполагает нарушения в конкретных условиях;
- указывает, что имеет место такая реализация *P*, которая соответствует представлению о *P* в наиболее существенных, с точки зрения говорящего, чертах (Баранов и др. 1993: 134-135).

Исследуя грамматику (служебные функции) некоторых групп лексикализованных предложно-падежных форм, Г. Н. Сергеева отмечает, что *в принципе* образует конструкции типа *в принципе...*, *но*, иными словами, функционирует «в качестве функционального аналога двухместного союза» (Сергеева 2001: 288)¹³.

Форма *в принципе* замечена исследователями и среди «слов-паразитов», которые «свидетельствуют (...) о недостаточной речевой культуре» говорящего (см., например: Земская 1987: 91) и реализуют в речи в первую очередь хезитационную функцию (Дараган 2000).

В Словаре ПМ для маркера *в принципе* указываются две функции: хезитационная и разграничительная – прежде всего навигационная (Прагматические маркеры... 2021: 52-53). В частотном списке ПМ *в принципе* оказывается по рангу выше, чем *в общем*, однако ниже, чем *значит*, и имеет на материале выборки ОРД 20 ранг и частоту 113 ipm, а на материале САТ –280 ipm (там же: 42).

В «Словаре значимой лексики живой устной речи» (Ляшевская, Шаров 2009) есть данные по частотности существительного *принцип* (3267 ранг, 342.7 ipm), однако, как и в случае с *в общем*, они мало подходят для выводов о встречаемости формы *в принципе* в русской устной речи.

Завершая обзор описаний исследуемых ПМ, отметим, что они действительно анализируются лингвистами в разных аспектах. Обратимся

---

¹³ См. о таких двухместных союзах также: Lakoff 1971; Вольф 1986: 104; Урысон 2005; Санников 2008: 248; Капустина 2019; Богданова-Бегларян 2021.

теперь к тем наблюдениям, которые касаются именно просодических особенностей ПМ.

1.4. Просодический аспект изучения прагматических маркеров

Прежде чем перейти к наблюдениям исследователей о просодических особенностях ПМ в русской речи, необходимо уделить внимание фундаментальным понятиям, накопленным наукой в области русской просодии и интонации. Этому и посвящен следующий раздел настоящей главы.

1.4.1. Просодические средства языка: краткая характеристика

Термин *просодия* (*просодика*), изначально связанный с исследованием стихотворной речи, в лингвистике используется для обозначения совокупности фонетических *суперсегментных* (*супрасегментных*) свойств речи (Светозарова 1982: 6; Антипова 1990: 401-402). В этом понимании просодия противоположна *сегментным* единицам (звукам речи, слогам, фонетическим словам и пр.). С другой стороны, просодия может быть противопоставлена *интонации*. Н. Д. Светозарова, обобщая накопленные к 1980-м годам наблюдения отечественных исследований в этой области¹⁴, приводит два основания для различения просодии и интонации: «Если просодическая структура – это способ организации звуковых последовательностей, начиная со слога (слог, слово, ритмическая группа, синтагма, высказывание), то под интонацией <...> понимается лишь способ просодической организации синтагм и высказываний. С другой стороны, говоря о просодике, обычно имеют в виду лишь *средства* просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации (интонации языка, его интонационной системы) входит и содержательный аспект» (Светозарова 1982: 6-7).

---

¹⁴ См., например, Бондарко 1977; Николаева 1977, 1982; Зиндер 1979; Брызгунова 1980; и др.

К суперсегментным средствам традиционно относят движение основного тона (мелодический контур), паузацию, длительность, темп, интенсивность, а также ударение, формирующее акцентную структуру высказывания (Светозарова 1982: 36-56). Этот список может быть расширен за счет просодического тембра (тип фонации, разное качество голоса: «скрипучий», «придыхательный», «напряженный», «расслабленный» и под), глоттализации в виде гортанной смычки (учитывается в ИК-7 в работах Е. А. Брызгуновой), даже артикуляции (назализация в доверительных сообщениях, поджатие губ и пр.) (*там же*; см. также: Брызгунова 1980; Кодзасов 2009).

Наверное, наибольшее внимание исследователи уделили именно движению тона, ср.: «Важнейшим из этих средств (просодических средств в целом – Т. С.) является тон, и нередко под интонацией фразы имеется в виду только ее тональная характеристика» (Кодзасов, Кривнова 2001: 380). Рассмотрим это средство подробнее. Изменение частоты основного тона (далее – ЧОТ) характеризуется следующими параметрами:

- *направление* движения тона (восходящее, ровное, нисходящее и их комбинации);
- *форма* контура ЧОТ;
- *интервал* (величина подъема или падения тона);
- *диапазон* (величина изменения тона на большом отрезке);
- *регистр* (уровень, в котором реализуется контур);
- *скорость* изменения тона;
- *изменчивость* (вариативность мелодики) (Светозарова 1982: 36-41).

С. В. Кодзасов, вслед за С. Оде, добавляет еще такой тональный признак, как *размещение* тонального движения в слоге (англ. *timing*) (Кодзасов 2009; Оде 1989; «таймирование» в работе Кибрик, Подлеская 2009).

Паузы – перерывы в звучании – уже не раз упоминались выше в связи с явлением хезитации. Однако паузы пограничные (дыхательные, интонационные), в отличие от хезитационных, тесно связаны с организацией дискурса (Кибрик, Подлесская 2009). По замечанию исследователей, взаимное чередование пауз и интонационных единиц характерно, скорее, для *идеального речепорождения*, чем для реальной спонтанной речи, которая, именно в контексте паузации отличается тем, что говорящий может как не использовать пограничные паузы, так и помещать их внутрь высказывания (там же: 65-66). По длительности паузы можно разделить на 4 типа¹⁵: сверхкраткие (< 0,1 с.), краткие (0,1–0,4 с.), средние (0,5–0,9 с.) и длинные (> 1 с.)¹⁶ (там же). Движение ЧОТ связывают с содержанием высказывания, ср.: «Восходящий тон иконически обозначает дискурсивную семантику неконца и ожидания продолжения, ровный тон – семантику промежуточного состояния (продолжения), нисходящий тон – семантику завершения» (там же: 75), в то время как *место* и *длительность* пауз передают информацию о процессах порождения дискурса говорящим («the speaker's discourse production process»¹⁷) (Chafe 1980), о том, настроен ли говорящий продолжать коммуникацию («orientation toward the ongoing conversational interaction») (Goodwin 1981).

Длительность – это протяженность единиц во времени, и факторы, определяющие длительность данного речевого сегмента, разнообразны (Светозарова 1982: 46). Так, одно из хезитационных явлений – растяжка звука – будет увеличивать время произнесения единицы, тогда как редукция (компрессия, сжатие)¹⁸, наоборот, уменьшает это время. Очевидно, что

---

¹⁵ Приводимая типология, разумеется, далеко не единственная, однако основана на опыте разметки корпуса монологической спонтанной русской речи, что схоже и с материалом настоящего исследования.

¹⁶ Об относительности данных абсолютного измерения длины пауз и об альтернативных решениях см.: Кибрик, Подлесская 2009: 69-70.

¹⁷ Здесь и далее перевод мой – Т. С.

¹⁸ Наиболее полный словарь редуцированных форм русской речи, а также опыт их лексикографического описания см.: Пальшина 2012; Стойка 2017; 2019.

получение информации о длительности некоторого отрезка речи требует предварительной сегментации речевого сигнала (*Кодзасов, Кривнова 2001: 184*).

Обратно пропорционален длительности *темп речи* – скорость произнесения элементов речи. Абсолютный темп речи зависит от индивидуальных особенностей говорящего, его эмоционального состояния, ситуации общения и стиля произношения (*Светозарова 1990: 508*)¹⁹. Кроме того, темп речи тоже играет роль в противопоставлении важного-неважного в высказывании (*Звуковой корпус... 2013: 162*).

Ключевая роль интенсивности – выделение отдельных элементов речевой цепи (*Светозарова 1982: 51*). Различия в интенсивности ощущаются как различия в громкости, на восприятие которой влияет еще и длительность и высота тона (*там же*). По замечанию С. Д. Кодзасова, «этот признак до сих пор практически не изучен» (*Кодзасов 2009: 29*). Однако интенсивность тесно связана с таким *комплексным* явлением, как ударение (или акцент): «В дискурсе некоторые слова произносятся просодически выделенным образом. <...> Мы пользуемся широко употребительным термином **акцент** (выделение авторов. – *Т. С.*) для краткого обозначения просодического выделения» (*Кибрик, Подлесская 2009: 72*). Конечно, интенсивность выступает совместно с другими просодическими параметрами, такими как ярко выраженное изменение ЧОТ, увеличение длительности; но «амплитудная характеристика акцента является ведущей и основана на степени интенсивности воздушного потока. В акцентированных слогах эта интенсивность является максимальной» (*там же: 74*).

Перечисленные и кратко охарактеризованные основные просодические признаки функционируют в речи не только совместно между собой, но совместно с другими средствами, ср.: «В процессе говорения и понимания,

---

¹⁹ О влиянии пола, возраста и уровня речевой компетенции говорящего на темп речи, по данным ОРД, см.: *Stepanova 2011*.

все просодические феномены, такие как интонация, ритм, паузы и т. п., вместе с лексическими, морфологическими, синтаксическими аспектами, а также и другие не-просодические феномены, такие как жесты, выражения лица, и ситуации – лингвистически релевантны и способствуют общему пониманию высказываний во взаимодействии говорящего и слушателя» (Оде 2007: 237).

1.4.2. Дискурсивная просодия: подходы к описанию

Бесспорно, в русистике наиболее авторитетной интонационной системой для русского языка остается система интонационных конструкций (ИК), предложенная Е. А. Брызгуновой (Брызгунова 1977: 1980). Эта система включает 7 ИК, которые выделены на основе как фонетического, так и семантического признаков. Ведущая роль отведена направлению движения тона (восходящий, нисходящий, ровный), однако учитывается увеличение интенсивности и наличие гортанной смычки. Лингвисты признают, что «значение этой системы для русского языка таково, что ни одно новое описание интонационных типов, каким бы новаторским оно ни являлось, не может обойти вниманием то, что было сделано уже более 40 лет назад» (Вольская, Скрелин 2009: 29-30).

Несмотря на это, многие исследователи указывают на большее разнообразие основных интонационных типов, в связи с чем «делаются попытки новых описаний русской интонации и создания новых систем транскрипции, которые основаны на разных принципах и предназначены для разных целей» (там же). По мнению Т. Е. Янко, «исследования русской интонации развиваются по линии увеличения числа выделяемых исследователями акцентов и различительных признаков акцентов» (Янко 2001: 88). К таким описаниям можно отнести перцептивную интонологию С. Оде и предложенную ею систему *ToRI* (Transcription of Russian Intonation) (Оде 1993; <https://www.fon.hum.uva.nl/tori/ru/>), комбинаторную модель интонации С. В. Кодзасова (Кодзасов 1996, 2009), а также ее компромиссное

«соединение» с системой Е. А. Брызгуновой в работах Т. Е. Янко (Янко 2001, 2008).

В «корпусную» эпоху проблема описания русской интонации остается весьма актуальной (Кибрик, Подлесская 2003, 2009; Вольская, Скредин 2009; Вольская, Качковская 2016). Связано это отчасти и с тем, что просодическая транскрипция – необходимая часть *дискурсивной транскрипции*, т. е. письменной репрезентации событий речи (Du Bois et al. 1992; Edwards 2001). Однако просодическая транскрипция может быть разной степени подробности (особенно в тех корпусах, которые не предназначены строго для исследования интонации), важнее, чтобы она удовлетворяла целям конкретного исследования²⁰ (Кибрик и др. 2009).

Исследования русской просодии и интонации – обширная и богатая область лингвистики, поэтому об этом невозможно было не сказать (хотя бы очень кратко) в настоящем исследовании. Однако теперь стоит все же обратиться к наблюдениям за просодическими особенностями прагматических маркеров.

1.4.3. Изучение просодии ПМ: направления и результаты

Как представляется, исследование просодических характеристик ПМ – задача актуальная, особенно в контексте корпусных исследований, просодического транскрибирования устного дискурса²¹.

Об ударности-безударности «пустых» частиц писала еще Н. Н. Розанова в одном из ранних исследований устного дискурса (Розанова 1983: 36-37). По ее наблюдениям, все «пустые» частицы разделяются на два вида: 1) ударные (важно, что после них следует пауза); 2) безударные (их употребление «никогда не сопровождается паузой колебания»), они вносятся

---

²⁰ О системе аннотирования, принятой в корпусах ОРД и САТ см.: Рыко, Степанова 2008; Шерстинова и др. 2009; Богданова и др. 2009.

²¹ Об опыте аннотирования ПМ в корпусе ОРД, а также о возникающих при этом проблемах и способах их решения см.: Зайдес и др. 2018; Bogdanova-Beglarian et al. 2018; Zaides et al. 2018; Богданова-Бегларян и др. 2019 б, в.

в речь «по инерции»). «Пустые» частицы играют роль и в ритмической организации высказывания, в частности, для этой цели могут использоваться такие частицы, как *говорит, там, ну, по-моему, понимаешь* и, что важно для настоящего исследования, *значит* в следующих редуцированных вариантах: [нъш'], [знъш'], [зъч']) (Розанова 1983: 37).

Схожие наблюдения делает Т. М. Николаева, когда пишет о том, что в срединной позиции заполнители пауз хезитации не получают акцентирования и имеют интонацию вводности (Николаева 1985: 126).

Уже в «корпусную» эпоху В. И. Подлеская и А. А. Кибрик подробно исследовали, как маркеры *вот* и *ну* (упоминаются в том числе маркеры *там, в целом, это самое, как его* и *значит*) встраиваются в структуру устного дискурса (Подлеская, Кибрик 2009). Такие маркеры, не несущие пропозициональной информации, но регулирующие дискурсивный поток, склонны к формированию так называемых *регуляторных ЭДЕ*, иными словами – склонны к *автономизации* (акцентированы и не расположены внутри синтагмы с пропозициональным значением). Однако это вовсе не универсальное правило: многие маркеры проявляют вариативность. Так, *значит* может быть как автономным, так и интегрированным в синтагму, при этом все равно оставаясь *маркером*.

Несмотря на то что этот раздел в целом посвящен просодическим особенностям ПМ (подходам к их изучению, обнаруженным наблюдениям), позволим себе небольшое отступление, связанное с просодией ДМ, а именно – форм *в общем* и *в принципе*. Об этих единицах писал С. В. Кодзасов (Кодзасов 2009: 199-223; первоначально см. об этом: Баранов и др. 1993). Итак, ДМ *в общем* реализуется как парентеза (вставка между частями предложения) и может как содержать оценку (в контексте выбора; при сопоставлении чего-либо акцентируется), так и вводить сентенциальную составляющую (в контексте подведения итогов). Любопытно, что С. В. Кодзасов отмечает еще две функции формы *в общем*, типичных

в «низком стиле»: 1) «сигнал прекращения фрагмента дискурса» (ср. финальный ПМ); 2) маркер «нарративных шагов (слово-паразит)» (ср. навигационный ПМ). В обоих случаях отмечается редукция (Кодзасов 2009: 216). Единица *в общем-то* близка к *в общем*: она тоже встречается при сопоставлении (в начальной позиции несет акцент). Однако имеет и свои отличия, например, в акте возражения отмечается просодия «контрастивности и противоречия, распределение которых зависит от наличия/отсутствия акцента на *в общем-то*» (там же: 217). В низком стиле эта форма используется как сигнал прекращения дискуссии и тоже редуцируется. Единица *в принципе* отличается тем, что может быть как наречием (в рематической позиции), так и парентезой. При этом как парентеза *в принципе* имеет три вариации: либо предшествует реме, либо это предложение в полемическом контексте, либо «разговорное» *в принципе-то*, ослабляющее полемический пафос (там же: 218).

Таковы главные направления в отечественных исследованиях просодических характеристик ПМ. К поиску корреляций, с одной стороны, между просодией ПМ и конкретными функциями этого ПМ, а с другой стороны – между функциями, реализуемыми разными ПМ, и просодией, обращаются и зарубежные исследователи (Maschler, Schiffrin 2015: 189-222). Например, для английского *well* заметили, что в большинстве своих функций эта единица образует отдельное интонационное единство, а в качестве маркера-ксенопоказателя (ориг. «prefacing direct speech quotation») – интегрируется с дальнейшим высказыванием. Для хезитационного *well*, вопреки возможным ожиданиям, не установлено тесной связи с физическими, незаполненными, паузами, зато часты случаи образования целых хезитационных цепочек (ориг. «combination of hesitation items»): заполненные и незаполненные паузы, повторы, фальстарты и др. (Lam 2009: 120-122).

В другой работе, посвященной английскому *of course*, обнаружена и статистически проверена следующая взаимосвязь: чем больше прагматикализуется слово (теряет семантику и грамматику), тем больше оно теряет просодическую выделенность (*Wichmann et al. 2010*). Такая просодическая «редукция» схожа, как отмечают исследователи, с редукцией фонологической, тоже наблюдаемой при грамматикализации и прагматикализации единиц.

В исследовании *Matzen 2004* об английском *so* тоже обнаружены различные корреляции между супraseгментными признаками и функциями этой единицы и, более того, высказана любопытная мысль о том, что просодия помогает дифференцировать *полифункциональные* и *монофункциональные* случаи (ориг. «prosodic features can distinguish multifunctional tokens of *so* from those performing only one function»).

Подобные исследования активно проводятся не только для английского языка, но и для шведского, португальского, чешского, французского, и мн. др. (см.: *Hansson 2004; Cabarrão et al. 2015; Volin et al. 2016; Didirkova et al. 2018*). Настоящее исследование тоже предполагает поиск взаимосвязи между просодическими характеристиками трех единиц: *значит, в общем/общем-то* и *в принципе* – и их функциональными реализациями в устном дискурсе.

1.5. Выводы по главе

В этой главе были рассмотрены основные понятия, связанные с хезитацией, прагматическими маркерами в русской устной речи, а также описаны основные направления исследований в этой области. Изучение функционирования и просодии ПМ (чему посвящено и настоящее исследование) – как раз одно из таких направлений. Кроме того, проведен обзор зафиксированных в различных словарях и грамматиках русского языка значений и функций трех исследуемых единиц.

ГЛАВА 2

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ

2.1. *Материал и методика исследования*

Источником материала исследования послужил корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (см. о нем: *Звуковой корпус...* 2013; *Богданова-Бегларян и др.* 2017б, 2019а). САТ содержит спонтанные монологи информантов (медиков, юристов, «компьютерщиков», филологов и др.), которым были предложены следующие коммуникативные задания: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений и рассказ на заданную тему. Конкретно в настоящем исследовании используется блок речи юристов (записаны в период с 2006 по 2007 гг.). Кроме того, принято решение исключить из пользовательского подкорпуса монологи чтения, так как они представляют собой наиболее мотивированную текстом-источником и наименее спонтанную (на фоне остальных монологов) речь.

Первичными текстами, или стимулами, для пересказов послужили отрывки примерно одинакового объема из двух художественных произведений: «Собачье сердце» М. А. Булгакова как сюжетный текст и «Бежин луг» И. С. Тургенева как несюжетный. Для описания информантам-юристам предложены картина Н. Федосова «Золотой сентябрь» (несюжетное изображение) и комикс Х. Бидструпа «Плоды рекламы» (сюжетное). Для монолога-рассказа выбрана вполне знакомая каждому человеку тема: *Как вы проводите свое свободное время?* Иными словами, информанты говорили или об отпуске, или о своих выходных. Таким образом, исходный пользовательский подкорпус составили 195 монологов, записанных от 39 информантов (~39 тыс. токенов). Отметим,

что в исследовании используются как оригинальные звуковые записи (формат .wav), так и готовые расшифровки монологов (формат .xlsx)²².

Как уже было сказано выше, для изучения просодических свойств хезитационных прагматических маркеров выбраны три единицы: *значит*, *в общем/в общем-то* и *в принципе*. Представляется, что стоит объяснить такой выбор. Точкой отсчета стала, конечно же, единица *значит*. Ее преимущество видится главным образом в наличии четкого и сравнительно небольшого функционального «арсенала» (навигационный маркер, маркер старта и маркер хезитации). Важным аргументом «в пользу» этой единицы стала ее высокая частотность²³ в русской речи. Далее последовал вопрос о том, какие единицы можно было бы объединить со *значит* в рамках настоящего исследования. Такие частотные ПМ, как *вот*, *там*, *как бы*, *да*, *это самое* и др., либо имеют иной «набор» функций, либо уже всесторонне описаны в заданном аспекте, либо принципиально отличаются слоговой структурой. На этом фоне ПМ *в общем* и *в принципе* имеют некоторые важные черты: во-первых, общее и между ними, и со *значит* «происхождение» из класса вводных единиц; во-вторых, практически одинаковый комплекс функций, реализуемых, по данным словарей, в устном дискурсе. В результате для анализа были выбраны именно эти ПМ.

В пользовательский подкорпусе попали 124 употребления единицы *значит*, 40 употреблений – *в общем*, 43 – *с в принципе*²⁴. Заметим, что учитываются только те контексты, в которых именно *слышатся* изучаемые единицы: в редких случаях (но о них нельзя не сказать) в расшифровке стоит, например, *в общем*, а по звукозаписи невозможно разобрать до конца, что прозвучало: *в общем*, или *вообще*, или *очень* (по контексту все варианты

---

²² Подробно о принципах разметки в корпусе SAT см.: Зайдес 2019.

²³ Данные о частотности см. в разделах 1.3.1-1.3.3 настоящей работы.

²⁴ При представлении количественных данных формы *в общем* и *в общем-то*, а также *в принципе* и *в принципе-то* (встретилась только 1 раз) объединяются.

подходят). Такие случаи, разумеется, исключались из пользовательского подкорпуса.

После слуховой «проверки» найденных единиц следовала первичная интерпретация их статуса с привлечением контекстного и слухового методов анализа.

Следующим этапом стала подготовка файлов к инструментальному анализу. Для начала из звукозаписи целого монолога с помощью программы Praat извлекался контекст с исследуемой единицей (одно или несколько высказываний). Далее проводилась ручная сегментация речевого потока и его аннотация. При сегментации целиком выделялась исследуемая единица, ее левый и правый контексты, размечались паузы. Таким образом, для каждого употребления *значит*, *в общем* и *в принципе* был создан уже «рабочий» файл формата .TextGrid. В этой же программе Praat были получены данные о движении ЧОТ, интенсивности, длительности и паузации по каждому контексту.

Кроме того, был проведен перцептивный эксперимент, однако о методике и собственно результатах будет подробно рассказано в следующем разделе.

2.2. Единица **ЗНАЧИТ**: функции, просодия, перцепция

На материале пользовательского подкорпуса для единицы *значит* удалось выявить следующие типы функционирования. Во-первых, это «словарное» значение выражения следствия, ср.:

- 1) *и кроме того видна () пасущаяся корова // а раз корова пасется / **значит** это явно день (И14_4²⁵);*
- 2) *съедает / я так понимаю / в гордом одиночестве / **значит** это все-таки домработница / а не жена (И31_3);*
- 3) *небо голубое / светлое // **значит** не такая ещё / темная осень (И22_4).*

---

²⁵ В атрибуции примеров указывается номер информанта (И1, И2, ..., И39), а также тип монолога: 1 – пересказ сюжетного текста, 2 – пересказ несюжетного текста, 3 – описание сюжетной картинке, 4 – описание несюжетной картинке и 5 – рассказ.

Так, в примере (1) *значит* реализуется в составе конструкции *раз X, значит Y* и является компонентом двухместного союза. Как демонстрирует пример (2), *значит* может выступать в устной речи и в качестве самостоятельного союза. Пример (3) иллюстрирует другую «словарную» функцию единицы *значит* – вводное слово. Как уже было сказано в разделе 1.3.1, значения союза и вводного слова для *значит* в сущности тождественны. Это хорошо демонстрируют и приведенные примеры. Разграничение этих типов употребления опирается, скорее, на структуру высказывания. Так, в примерах (1) и (2) *значит* находится между синтагмами (знак /), но внутри фразы (знак //), а в примере (3) – на стыке фраз. Забегая вперед, скажем, что, по данным перцептивного эксперимента, не всегда удается дифференцировать вводное *значит* и *значит*-союз в устной спонтанной речи, зато их общие черты (семантические, грамматические) делают такое *значит* узнаваемым в контексте и позволяют отличить его от ПМ. Все «словарные» употребления единицы *значит* составляют довольно небольшую часть материала исследования (всего 10 %). Остальные 90 % содержат уже *прагматикализованную* единицу *значит*. Обратимся к этой группе.

В пользовательском подкорпусе обнаружены 3 функции ПМ *значит*: стартовая, навигационная (обе – разновидности разграничительной функции) и хезитационная. Рассмотрим каждую из них, ср.:

- 4) *значит* отпуск // (э-э) прошлый за две тысячи шестой год отпуск был в сентябре (И9_5);
- 5) *значит* мой отпуск (И22_5);
- 6) *некоторые даже / наступают друг на друга / лишь бы () сделать удачный кадр // значит на следующей картинке / мужчина показывает / (э-э) какой-то женщине* (И15_3).

Так, в примерах (4)-(5), стартовый ПМ *значит*, занимая позицию абсолютного начала не только фразы, но и всего монолога, сигнализирует о своеобразном «вступлении» в акт рассказа. Примечательно с точки зрения

микроструктуры устного дискурса, что в приведенных примерах стартовый ПМ *значит* сопутствует проспективной субклаузальной ЭДЕ²⁶ – вынесенному топику (*мой*) *отпуск* (именительный темы), который тоже помогает говорящему «начать». Можно предположить, что в позиции абсолютного начала *значит* как бы «просвечивает» некоторую предшествующую монологу ментальную деятельность (самонастрой, обдумывание и пр.) и в то же время резюмирует ее в переходе к вербализации, к рассказу. Как демонстрирует следующий пример (6), стартовый маркер *значит* встречается не только в начале монолога, но и в начале фразы. Здесь *значит* маркирует начало следующего фрагмента описания.

Стартовая функция как разновидность разграничительной выделяется на основе позиционного критерия, что отсылает к членению устного дискурса (в первую очередь – к паузам). Левая пауза (обычно средняя по длительности или долгая), как и ожидается, стабильно присутствует, маркируя завершенность предыдущего высказывания. Если стартовый ПМ *значит* «открывает» собой монолог, то левая пауза принимается за нулевую. Однако для этого ПМ, по данным пользовательского подкорпуса, крайне не характерно наличие паузы справа (в редких случаях возможны только сверхкраткие). Иными словами, в стартовой функции *значит* не образует отдельной просодической единицы, а именно присоединяется к высказыванию, начало которого маркирует. Образуемый *значит* и правым контекстом единый тональный контур (см. рис. 1) тоже говорит о просодической интеграции маркера в высказывание.

---

²⁶ О неканонических ЭДЕ в устном дискурсе см.: Кибрик, Подлеская 2009.

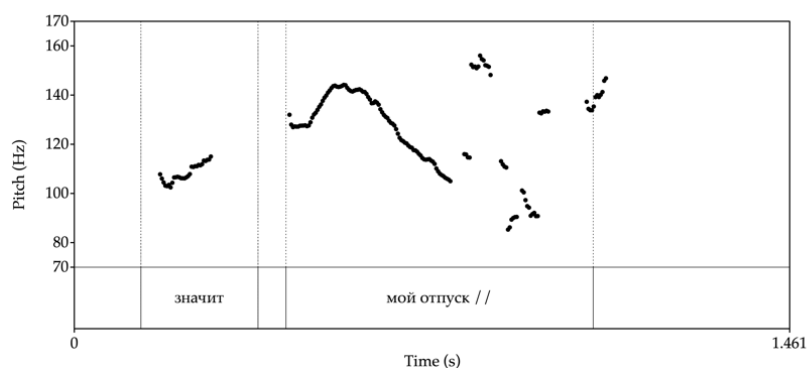

Рис. 1. Интонограмма к примеру (5)

Такой восходящий тон представляется, скорее, исключением, чем правилом: стартовый маркер *значит* реализуется преимущественно в комбинациях ровного и /или нисходящего тона (см. рис. 2).

Рис. 2. Интонограмма к примеру (4)

Отметим, что стартовый маркер *значит* подвержен редукции, средняя длительность его произнесения, по данным пользовательского подкорпуса, составила 0,28 с. (при стандартном отклонении²⁷ σ 0,08).

Показатели интенсивности по стартовому ПМ *значит* говорят о том, что он обычно произносится тише, чем «содержательная» часть высказывания, однако этот просодический признак не является стабильным. Так, ниже представлены два графика (область, выделенная пунктиром, соответствует *значит*) с кривой интенсивности для примеров:

7) *K²⁸ *значит* я (...) смотрел () рисунок (ИЗ5_3);

8) *K *значит* здесь указана-а / скорее всего / нарисована осень (И9_4).

²⁷ Стандартное отклонение (среднее квадратическое отклонение; σ) – статистический показатель распределения значений в выборке относительно среднего. Он помогает понять, насколько велик разброс индивидуальных значений признака от его средней величины.

²⁸ Знаком *K в системе помет корпуса САТ обозначается кашель.

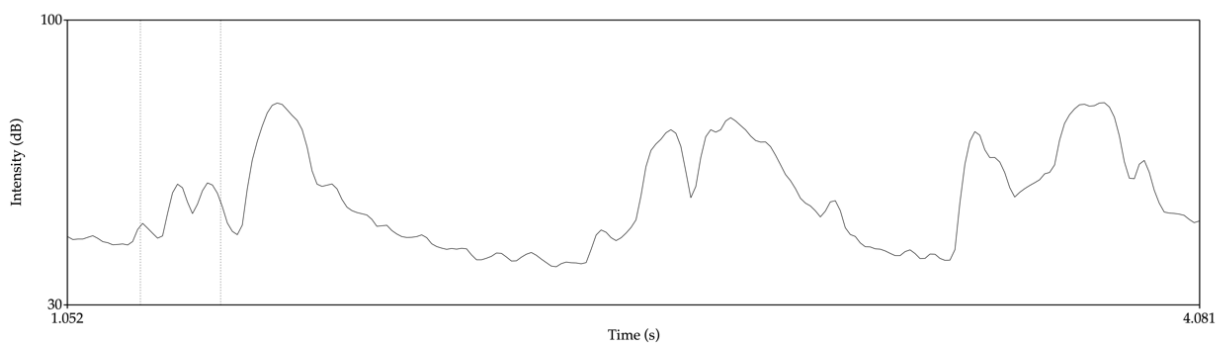

Рис. 3. График интенсивности к примеру (7)

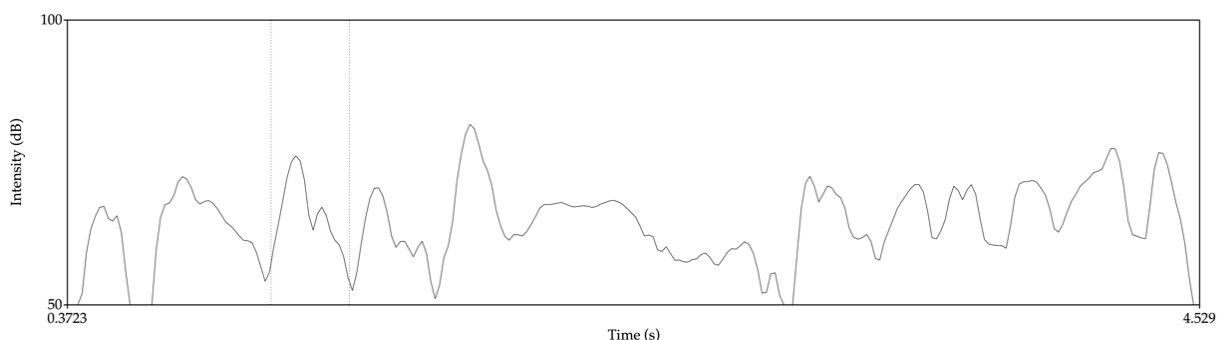

Рис. 4. График интенсивности к примеру (8)

График к примеру (7) показывает разницу уровней, в которых реализованы вершины кривой интенсивности на ПМ *значит* и на остальной части высказывания. Средний показатель интенсивности на стартовом маркере в этом примере ниже на 16,5 dB. С другой стороны, в примере (8) и график кривой интенсивности, и средние показатели говорят о том, что разница между прагматикализованной единицей и содержательной частью высказывания минимальна (1 dB), т. е. они произносятся одинаково громко (в этом контексте *значит* артикулируется полно и выразительно). Большая часть материала (примерно две трети) содержит все-таки «тихий» стартовый маркер *значит*.

Перечисленные просодические характеристики маркера старта *значит*, как представляется, не противоречат ему, а оказываются очень органичными и отражают его специфику как *речевого автоматизма*, произносимого практически по инерции (соответственно, тихо и быстро, как бы незаметно для себя и других) и как «помощника» в выстраивании устного дискурса, а не его наполнении («закрепленная» позиция).

Навигационный ПМ *значит* близок стартовому – вместе они представляют разновидности одной и той же разграничительной функции. Так, маркер *значит* в примере (9) появляется внутри высказывания, помогая «направить» его в нужное «русло», продвинуть вперед (после ПМ следует рема *общежитием*, несущая фразовый акцент).

9) *в (э) комнате / которая являлась **значит** общежитием // вот как раз для этих беженцев (И12_5).*

Навигационный маркер *значит*, так же как и стартовый, обычно редуцируется, а средняя длительность его произнесения, по данным пользовательского подкорпуса, оказывается равной 0,28 с. (при σ 0,06) и совпадает с показателем стартового *значит*.

Позиция навигационного ПМ *значит* в этом случае обуславливает наличие и характер пауз, а точнее сказать – их отсутствие, причем с обеих сторон. Редко появляется сверхкраткая пауза слева либо справа (5 случаев из 17).

Однако отличие навигационного *значит* от стартового не всегда сводится к строго позиционным, хотя бы в рамках монологической речи. Например, представляется, что навигационный маркер *значит* может придать спонтанному монологу²⁹ черты «неспешного» нарратива, как в примере (10):

10) *поймал рыбу // идёт **значит** довольный / хвастливый домой (И28_3).*

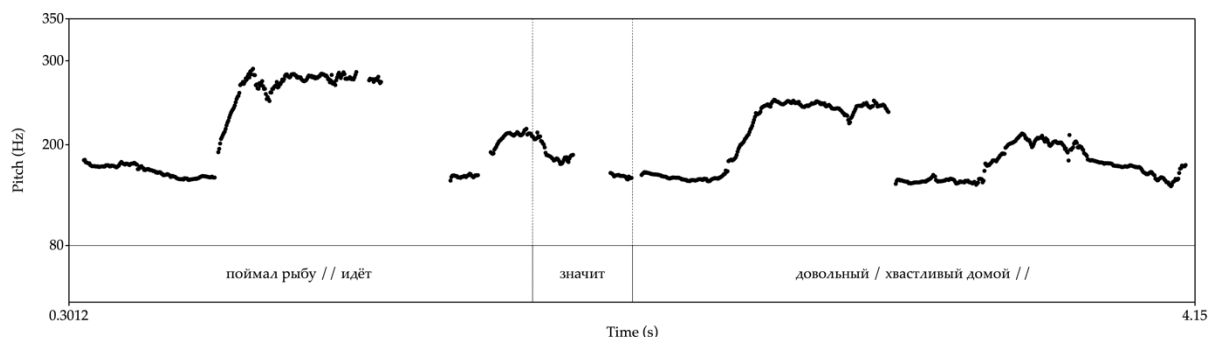

Рис. 5. Интонограмма к примеру (10)

²⁹ Вероятно, в диалоге навигационные ПМ ведут себя иначе, что было бы интересно проверить в рамках отдельного исследования.

Позволяя себе некоторое отступление, отметим, что все подобные контексты (где *значит* не только «направляет») обнаружены в монологах-описаниях сюжетного изображения. Перцептивно после *значит* речь замедляется. Возможно, так отражается стремление информантов в этом задании породить более «живой», занимательный рассказ, «вжиться» в роль нарратора.

Кроме того, в случае с навигационным *значит* движение тона выделяется большей гибкостью, интегрированностью. Обычно наблюдается единый тональный контур: на рис. 5 видно понижение тона после подъема (*идёт*) с последующим ровным движением, продолжающимся и на следующем слоге нового слова (*довольный*).

Еще одним небольшим отличием навигационного *значит* от стартового можно признать безоговорочное «тихое» произнесение: в пользовательском подкорпусе во всех случаях интенсивность маркера по средним показателям оказывается ниже, чем в содержательной части.

Таким образом, несмотря на то что функции стартового и навигационного маркеров близки, каждая из них при внимательном рассмотрении имеет свои характерные черты.

Наконец, рассмотрим хезитационную функцию маркера *значит*, ср.:

- 11) *рыбак () лишил себя (...) (а-а) лишил себя / значит (а-а) удовольствия прежде всего (ИЗ2_3).*

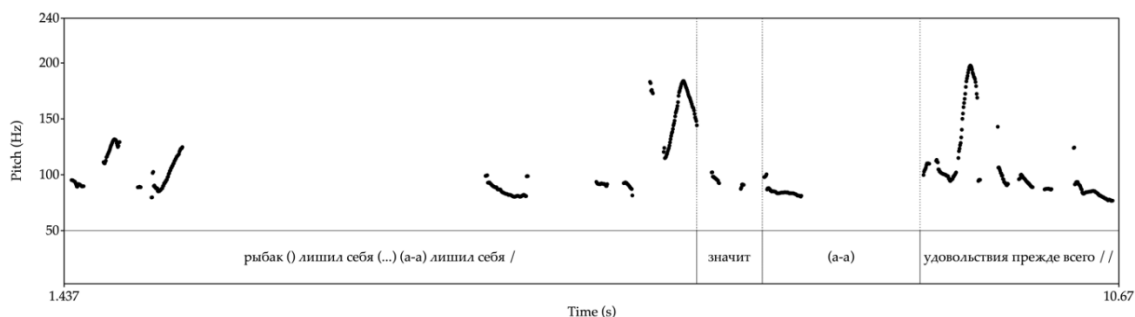

Рис. 6. Интонограмма к примеру (11)

- 12) *и у Андрея Аршавина / у него () интересная / значит (а-м) (...) интересное поведение (ИЗ2_5).*

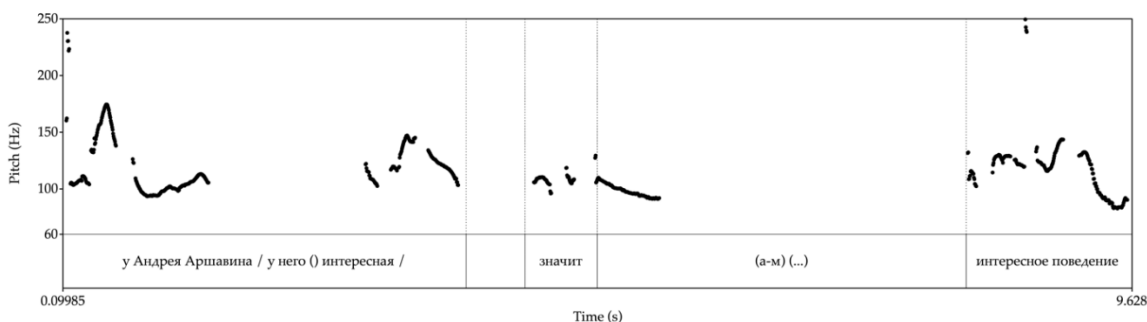

Рис. 7. Интонограмма к примеру (12)

13) *пару реальных (э-э) моментов у ворот / (а) значит (...)* (а) / *соперника (И32_5).*

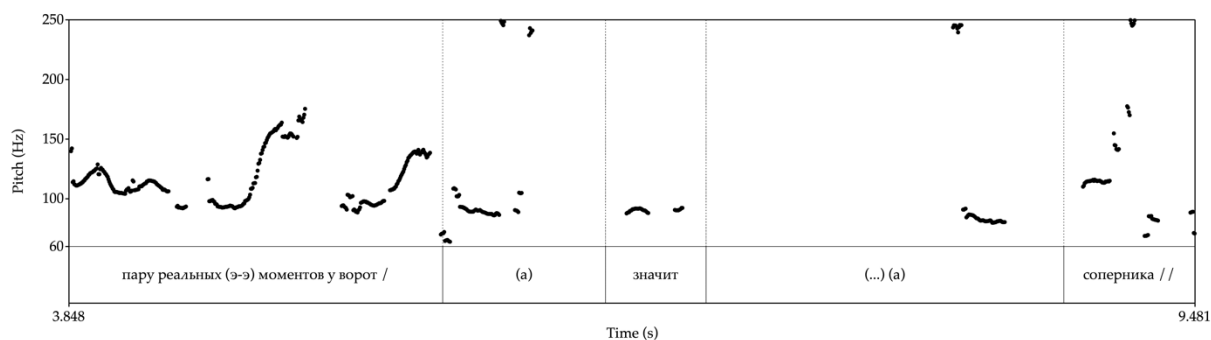

Рис. 8. Интонограмма к примеру (13)

Говорящие в поисках подходящего слова (*удовольствие, соперник, поведение*) испытывают различные трудности. В примере (11) наблюдаем, как возникшая пауза колебания заполняется сначала повтором (*лишил себя*), а далее – единицей *значит*. Этому сопутствуют и многие другие хезитационные явления: короткая заминка (*()*), длительная пауза хезитации (...), вокализации (*а-а*). Аналогично и в примере (12): «трудное» место, по всей видимости, начинается тогда, как появляется заминка (*()*), затем прилагательное *интересная* употребляется в форме ж. р., следовательно, в этот момент говорящий рассчитывал подобрать существительное такого же рода (может быть, *манера?*). Однако происходит смена коммуникативного намерения, речевой сбой, сопровождающийся хезитационным *значит*, паузами, вокализацией; когда же, наконец, нужная номинация (*поведение*) подобрана, говорящий проводит повтор-самокоррекцию, помня о «контроле качества» своей речи. Пример (13) не сопровождается любопытными

повторами, однако, благодаря другим сопутствующим ХЯ – прежде всего вокализациям, – тоже становится ясно, что *значит* заполняет возникшую паузу «колебания».

ХПМ *значит* заметно, особенно на фоне стартового, навигационного и даже «словарных» употреблений, растягивается, что сказывается на увеличении длительности (в среднем 0,51 с. при σ 0,095). Другой яркий, выделительный, признак – это наличие средних и долгих пауз (зачастую заполненных) как слева, так и справа. Так, в примере (12) левая пауза длится 0,8 с., а правая пауза – свыше 3 с. Как маркер хезитации *значит* склонно к автономному употреблению (см. рис. 7-8), что прямо противоположно, например, тому, как стремится навигационный ПМ *значит* интегрироваться в структуру высказывания. Несколько отличается пример (11): *значит* объединяется с повторяемой частью высказывания: наблюдаем начатое на акцентированном *себя* и продолжающееся на *значит* падение тона на рис. 6; поэтому слева от ПМ паузы нет. Если же понимать и повтор, и ПМ, и вокализации как единую «цепочку» хезитационных явлений, то перед этим кластером пауза есть (2,57 с.). Хезитационное *значит*, тоже в противовес разграничительным маркерам, артикулируется выразительно, без редукции. Таким образом, единица *значит* в хезитационной функции «наделается» особыми, нетипичными для нее, свойствами, в том числе и на просодическом уровне.

Описанные характеристики маркера *значит* представляют собой набор «идеальных» признаков каждой из трех функций. Представляется, что, только имея такие «портреты» и сопоставляя их, можно делать какие-либо выводы относительно одной из функций (например, хезитационной). Анализ материала пользовательского подкорпуса показал, что паузация и время произнесения единицы (длительность) – те два признака, по которым можно идентифицировать ту или иную функцию единицы *значит*.

Такие «идеальные» признаки позволяют легко идентифицировать функцию, которую выполняет ПМ *значит* в конкретном употреблении. Это подтверждается и экспериментальными данными.

В рамках перцептивного эксперимента, целью которого стала проверка исследовательских наблюдений, 40 аудиторам был предложен прослушать 21 контекст с единицей *значит* (каждый контекст звучал три раза, с пятисекундными паузами между повторами). Задача аудитора состояла в том, чтобы определить статус этой единицы. При помощи инструмента Google-forms для участников эксперимента на каждый контекст были подготовлены варианты ответов (глагол, вводное слово, союз, маркер хезитации, стартовый маркер, навигационный маркер) с возможностью множественного выбора. Во избежание возможных трудностей было принято решение отбирать для эксперимента только филологов: студентов или преподавателей (см. рис. 9). Важно оговорить, что графического представления контекста (расшифровки) у участников не было, таким образом, они должны были опираться только на слуховое восприятие.

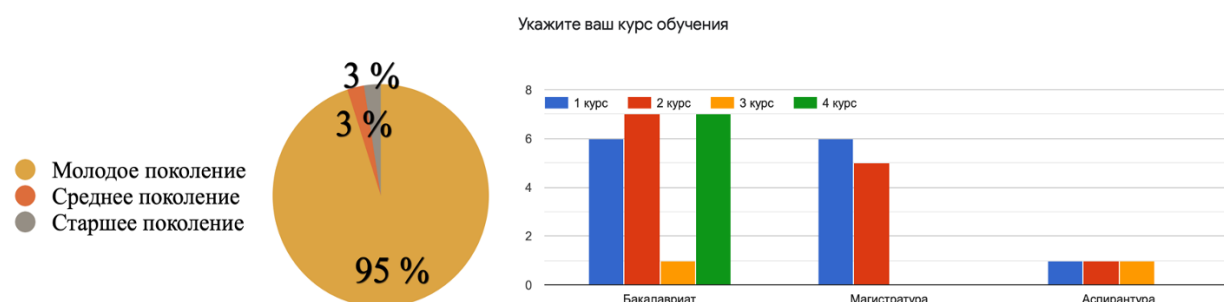

Рис. 9. Диаграммы по характеристикам аудиторов

Эксперимент показал, что наиболее легко идентифицируется хезитационный маркер *значит*.

Заметим, что только у хезитационного *значит* такие «рекордные» показатели: все участники выбрали эту функцию; в примере (13) два аудитора еще дополнительно отметили навигационную функцию, в примере (12) так же сделал только один человек.

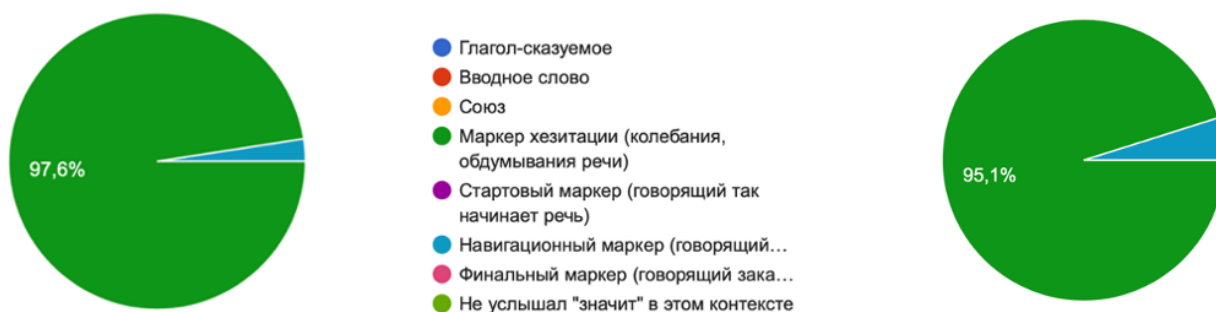

Рис. 10. Диаграммы ответов к примерам (12)-(13)

Остальные функции и значения единицы *значит* опознаются уже не так легко. Так, участники эксперимента могли принять стартовый маркер за навигационный, а навигационный «конкурировал» со значением вводного слова. Многие аудиторы делились своими впечатлениями: им было сложно выбрать что-то одно, разграничить разные функции и значения, некоторые просто признавались, что они не понимают, как интерпретировать тот или иной контекст. Несмотря на все это, в целом результаты эксперимента получились весьма интересными (см. рис. 11).

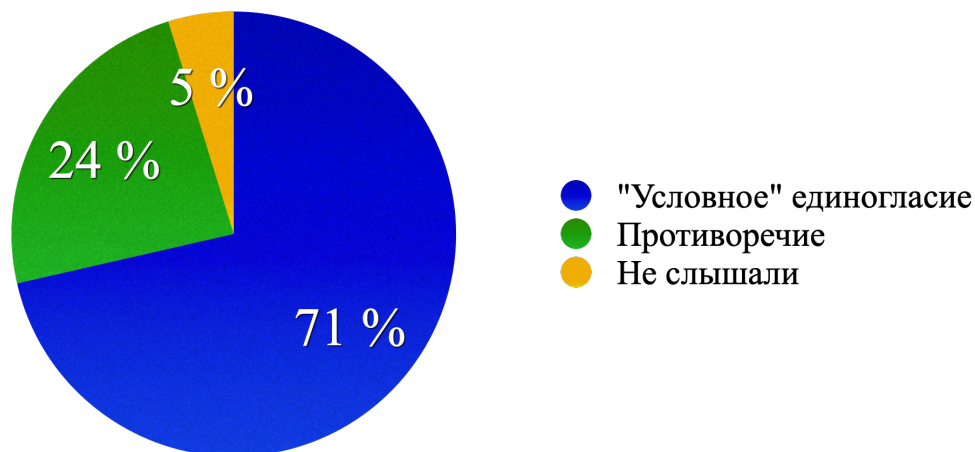

Рис. 11. Результаты эксперимента

Так, существенная доля контекстов (71 %) интерпретирована «условно» единогласно, 24 % – противоречиво, в 1 контексте (5 %) большинством участников единица *значит* вообще не была услышана. Любопытно, что настоящим «испытанием» стали именно «словарные» значения исследуемой единицы, ср.:

14) *седьмой день господу Богу твоему / означает кроме этого ещё и ()
служение ближнему // **значит** в этот день выходной / можно
навестить / или какой-то вывод () родственников (И16_5).*

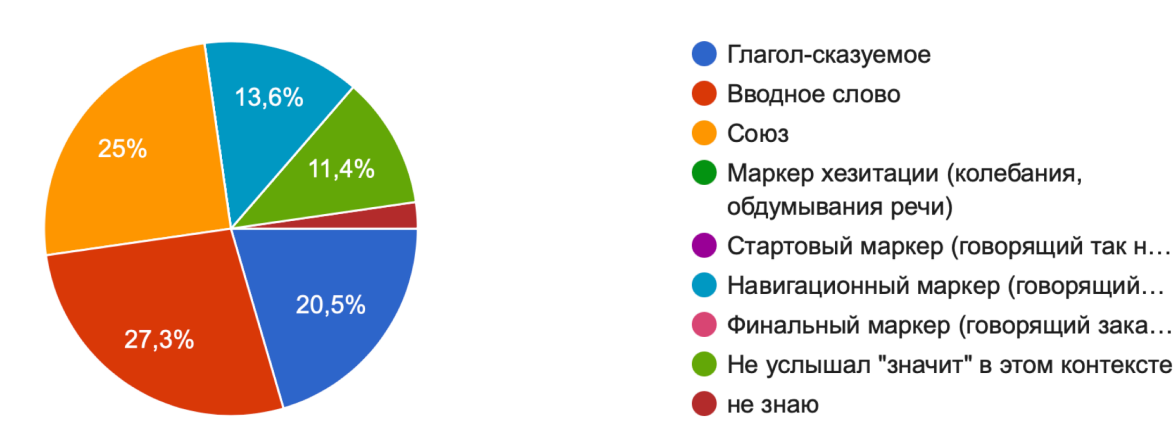

Рис. 12. Диаграмма ответов к примеру (14)

Можно сказать, что пример (14) оказался самым трудным для участников (см. рис. 12). Почти треть аудиторов выбрала статус вводного слова (что совпадает с исследовательской интерпретацией), однако не многим меньше голосов было за *значит*-союз и *значит*-глагол. Судя по диаграмме, большинство аудиторов верно определило, что *значит* в данном контексте имеет и лексическое значение, и грамматическое (организует предложения с причинно-следственной связью), однако 13 % участников (5 человек) этого не заметили и выбрали навигационный маркер. Подобным образом распределяются ответы и в других контекстах со «словарным» *значит*, что требует осмысления.

Думается, может быть несколько причин столь явного расхождения во мнениях. Это и человеческий фактор (усталость, замутнение восприятия), и возможные технические трудности (эксперимент проводился онлайн). Кроме того, участники могли изначально настроиться на определение ПМ, а потому «словарные» значения оказались для них неожиданными. Наконец, не последнюю роль играют собственно лингвистические факторы: значение следствия, одинаково выражаемое и союзным, и вводным *значит*, а также проблема синтагматического и фразового членения спонтанной устной речи.

Вернемся теперь к той подавляющей части контекстов (71 %), интерпретации которых так или иначе совпали и между собой, и с наблюдениями, полученными в ходе исследования. Внутри этой группы можно выделить случаи более легкие и более трудные. Легче всего идентифицируются монофункциональное *значит* (только хезитационная функция или только стартовая и т. д.): именно они обладают набором «идеальных» признаков, которые, как подтверждают результаты эксперимента, являются перцептивно значимыми. Однако в устной речи такие «чистые» маркеры встречаются гораздо реже, чем полифункциональные (см. рис. 13).

Рассмотрим и эти случаи, ср.:

- 15) *значит* (э) *насколько вижу / на этой картинке / то есть здесь (э-э) (...) изображено / как бы (э-э) грубо говоря / реклама* (И9_3);
- 16) *и () что-то там взял () значит () накиннулся на пса* (И15_1).

Так, пример (15) содержит полифункциональный маркер *значит*: эта единица одновременно помогает и начать (стартовый маркер), и «выиграть» время, которое говорящему требуется, чтобы подумать, как организовать пересказ, или, возможно, вспомнить сюжет. В примере (16) единица *значит* тоже сочетает в себе две функции: навигационного (позиция внутри фразы) и хезитационного маркера.

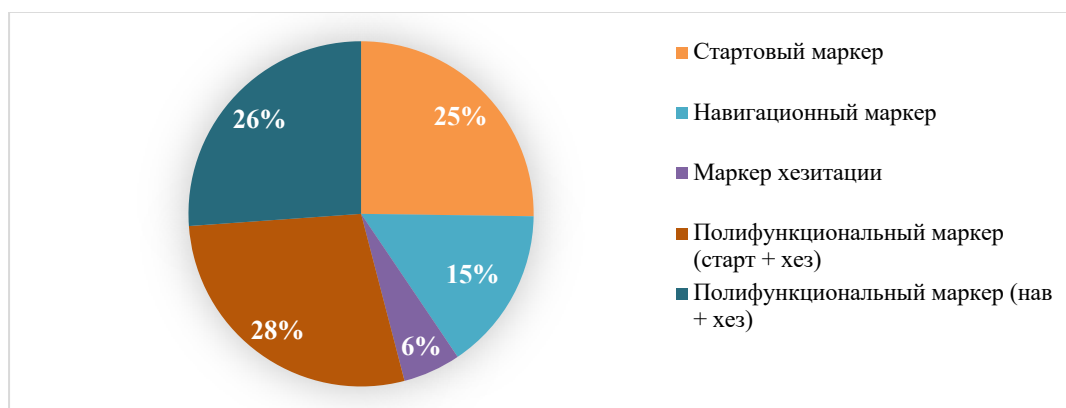

Рис. 13. Количественное распределение типов употребления ПМ *значит*

Как показал анализ, на просодическом уровне полифункциональные случаи не приобретают каких-либо особых, новых, признаков. Дело, скорее,

в том, что прототипические признаки отдельных функций в таких случаях смешиваются. Например, длительность полифункционального *значит* увеличивается по сравнению с «чистым» стартовым или «чистым» навигационным, но оказывается меньше, чем длительность собственно хезитационного маркера *значит*. Так, средний показатель длительности стартово-хезитационного *значит* равен 0,41 с., а навигационно-хезитационного – 0,34 с. При этом стандартное отклонение от средних показателей σ (0,14 и 0,12 соответственно) говорит о большей вариативности длительности произнесения полифункциональных ПМ. Появляются нетипичные для обычного навигационного *значит* паузы и справа, и слева. То же самое можно сказать и про стартовый маркер *значит*, для которого в «одиночном», монофункциональном, варианте характерно отсутствие правых пауз. Такие «вестники» хезитации могут быть пустыми, физическими, паузами, но могут и заполняться вокализациями или другими маркерами, ср.:

17) *так () ну () значит я прочитал () отрывок () из Тургенева (ИЗ5_2).*

В примере (17) наблюдается пятикомпонентный хезитационно-стартовый кластер: две заминки, *так*, *ну* и *значит*.

Как показал эксперимент, такое «проникновение» хезитации не всегда может быть четко отрефлексовано слушателем. Немногие участники выбирали сразу обе функции, единогласие достигалось, скорее, общим количеством голосов (см. рис. 14).

По всей видимости, аудиторы при различении полифункциональных и монофункциональных случаев действовали методом «от противного»: основывались на том, присутствуют признаки хезитации или нет.

Подведем некоторые итоги. В результате анализа материала удалось выявить различные типы употребления единицы *значит* в устной спонтанной речи (как «словарные», так и прагматикализованные), причем каждый такой тип обладает собственным комплексом признаков: функциональных,

позиционных, просодических. С перцептивной точки зрения, не все эти свойства оказываются значимыми. Хезитационная функция единицы *значит*, не являясь самой характерной или частотной для данного ПМ, оказывается самой выразительной и примечательной. Возможно, каждый ПМ обладает некоторыми функциями, которые «произрастают» из их «природы»: так, для единицы *значит*, изначально вводного слова и союза следствия, органичны функции стартового и навигационного маркера, которые тоже помогают «строить» дискурс. Об этом же говорит и тот факт, что в качестве финального маркера – третьей разновидности разграничительной функции – единица *значит* не встречается, по крайней мере, на материале монологической речи. Этим же можно объяснить и их позиционно-просодические сходства.

Рис. 14. Диаграмма ответов к примеру (15)

Можно предположить, что хезитационная функция для единицы *значит* оказывается как бы «побочной», и будто уже сама хезитация наделяет попавшие в нее единицы своими свойствами (растягиванием звуков, паузами и др.). Обратимся к анализу следующих единиц, чтобы проверить это наблюдение.

2.3. Единицы В ОБЩЕМ и В ПРИНЦИПЕ: отношения между просодией и функциями

2.3.1. В ОБЩЕМ и В ОБЩЕМ-ТО: особенности реализации в разных функциях

В пользовательском подкорпусе встретилось 14 употреблений единицы *в общем* и 26 – *в общем-то*. Рассмотрим их по порядку. Так, форма *в общем* в устной спонтанной монологической речи функционирует, скорее, как ДМ:

18) *небо светло-лазурного такого цвета // в общем / очень радужное впечатление / картина вызывает (И7_4).*

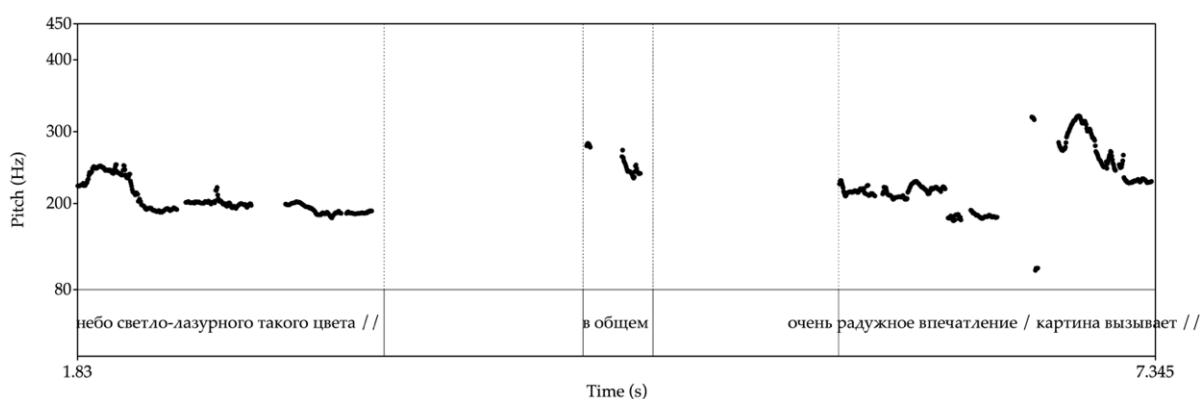

Рис. 15. Интонограмма к примеру (18)

В примере (18) ДМ *в общем* выполняет «резюмирующую» функцию: действительно, говорящий, завершая описание неба по картине, переходит уже к обобщению: высказывает собственное итоговое впечатление. Здесь ДМ *в общем* занимает автономную позицию, реализуется с нисходящим тоном (см. рис. 15). Однако такая реализация, по данным пользовательского подкорпуса, скорее, окказиональна: обычно *в общем* действительно стоит в начале высказывания (есть средняя или долгая левая пауза; правая отсутствует либо является сверхкраткой) и интегрировано в него (см. рис. 16).

19) *что там дальше-то было ?! в общем всё понятно // дальше его поймали (И23_1).*

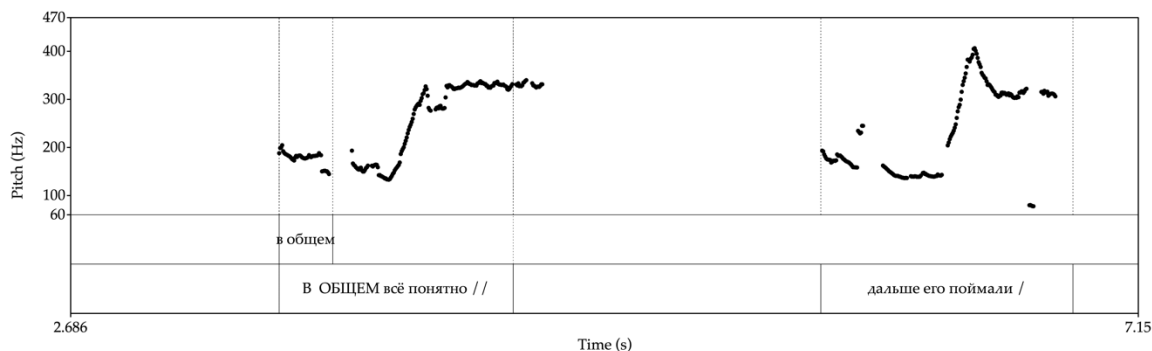

Рис. 16. Интонограмма к примеру (19)

В примере (19) *в общем* тоже как бы «помогает» говорящему перейти к финальной части реплики. Представляется, что здесь эта единица синонимична ДМ *короче*. Говорящий будто «перепрыгивает» некоторые сюжетные подробности, которые уже, видимо, не может вспомнить, о чем говорит и его диалог с самим собой: вопрос (*что там дальше-то было?*) и последовавший на него ответ (*всё понятно*). Эта метакоммуникативная вставка обрамляется повтором (*дальше*), который помогает информанту вернуться к обычному повествованию.

20) (*a-a*) *к вечеру / к вечеру () (a-a) () ну и к вечеру в общем погода / не стала более прохладной (И5_2)*.

Следующий пример (20) тоже по-своему отличается: *в общем* здесь сворачивает неудачный эксплицированный поиск. Так, обстоятельство *к вечеру* говорящий повторяет сначала два раза с множественными вокализациями и заминками; на третий раз, как бы смиряясь (*ну и*) и останавливая все попытки, уже резюмирует их. ДМ *в общем* интегрировано в высказывание, произносится монотонно (см. рис. 17) и тихо (для ДМ *в общем* характерно понижение интенсивности). Однако пример (20) – это единственный случай (по данным пользовательского подкорпуса) с инверсией: обычно ДМ *в общем*, как уже было сказано, стоит в самом начале реплики.

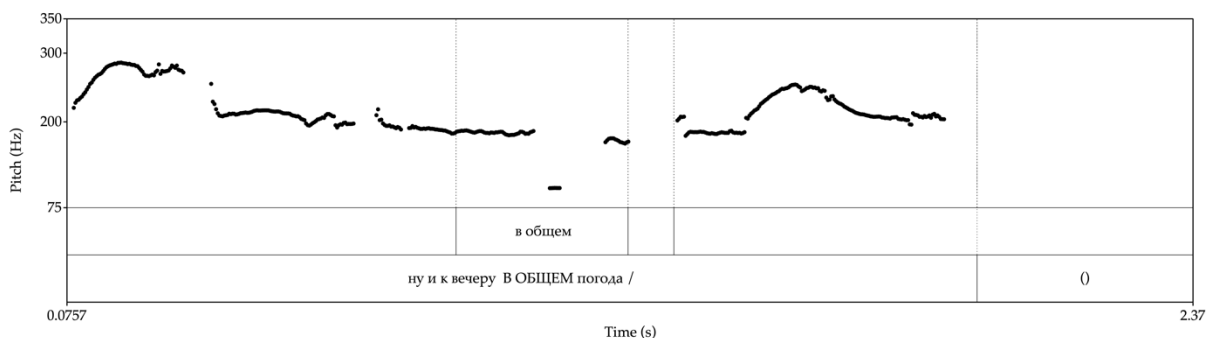

Рис. 17. Интонограмма к примеру (20)

В качестве ПМ *в общем* встретилось всего 1 раз:

- 21) (а-м) () *в общем* женщина шла (а-а) () с псом (м-м) по коридору (ИЗЗ_1).

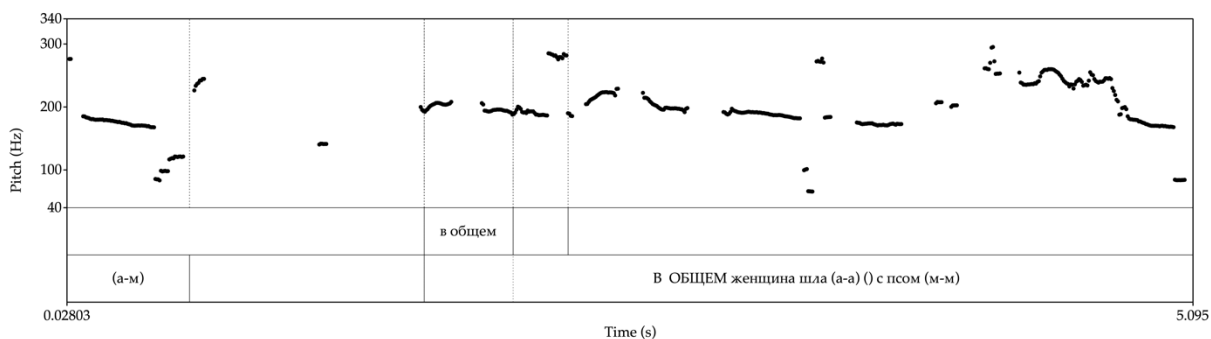

Рис. 18. Интонограмма к примеру (21)

В примере (21) *в общем* выполняет функции стартового и хезитационного маркера. ПМ *в общем* находится в начале монолога, помогая говорящему начать пересказ. В этом контексте любопытным образом распределяются паузы. Например, ПМ предшествует хезитационное *а-м*, которое уже заполняет паузу колебания (0,53 с.), после чего следует долгая (1 с.) физическая пауза, справа же пауза краткая – 0,25 с. ПМ *в общем* произносится дольше: 0,4 с. в сравнении с типичными для ДМ 0,28 с. (σ 0,06). Кроме того, в этой функции *в общем* не редуцируется (в отличие от ДМ), а по графику интенсивности (рис. 19) и средним показателям (62 dB) можно судить и о том, что стартово-хезитационное *в общем* произносится так же громко, как и остальная, содержательная, часть высказывания.

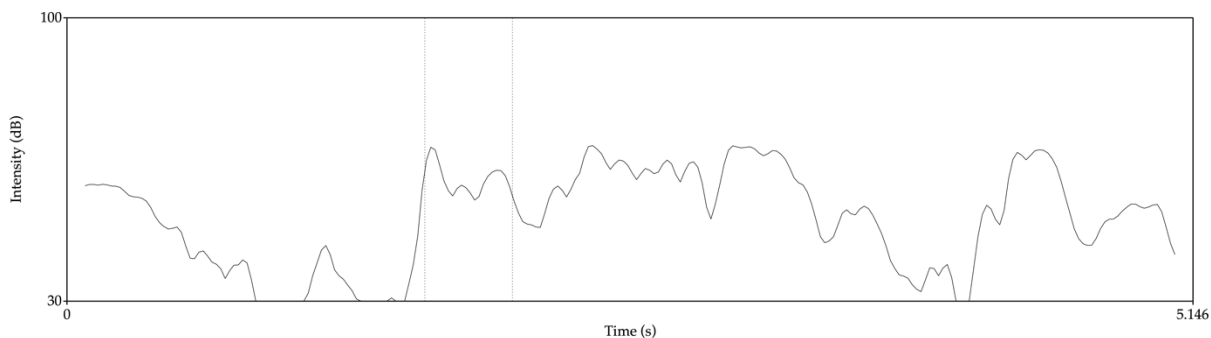

Рис. 19. График интенсивности к примеру (21)

Приведем еще один пример, который показался интересным и сложным с точки зрения интерпретации статуса единицы в общем:

22) *вот / тоже хотели / чтобы их так же пригласили / на () вот какой-то () не знаю / праздничное / обеденное // **в общем** / ну это самое / чтобы их угостили (ИЗ9_3).*

С одной стороны, можно предположить, что *в общем* в примере (22) – это «чистый» хезитационный маркер: действительно, ему предшествует эксплицированный поиск (*() вот какой-то () не знаю*), далее следуют «попытки» выразить мысль (*праздничное / обеденное*). После этого, не удовлетворившись «найденным», говорящий продолжил поиск цепочкой (***в общем** ну это самое*), который снова трудно назвать самым удачным (очевидно, искалось существительного в форме ср. р., но итоговый вариант развернулся в придаточное предложение). Все это может следовать из контекстного анализа, тогда как слуховой предлагает несколько иную интерпретацию. Просодически это *в общем* не имеет признаков хезитации: длительность равна 0,24 с., произносится тише, правая пауза – краткая (0,19 с.). Собственно, и нисходящее движение тона тоже напоминает в этом случае автономный ДМ *в общем* из примера (18), см. рис. 15 и 20.

Представляется, что единица *в общем* в примере (22), несмотря на правого «соседа» (*ну это самое* действительно выполняет функцию хезитационного маркера) и предыдущий контекст, остается дискурсивным словом: подытоживает предшествующий поиск и «сворачивает» его.

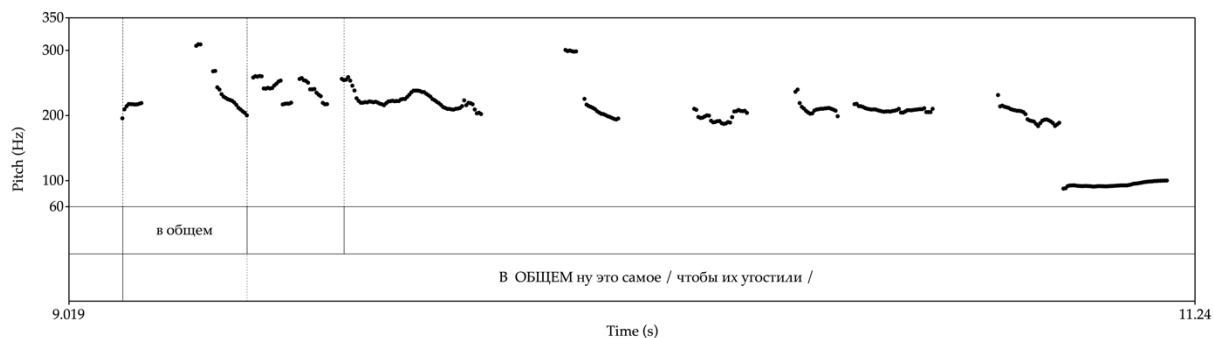

Рис. 20. Интонограмма к примеру (22)

Таким образом, на материале настоящего исследования можно сказать, что единица *в общем*, скорее, сохраняет свой статус ДМ, чем переходит на коммуникативно-прагматический уровень. Вероятно, расширение материала позволит обнаружить больше примеров с ПМ *в общем*. Однако тот единственный случай употребления стартово-гезитационного *в общем*, который найден в материале, показывает, что гезитационная функция в этом случае обладает теми же свойствами, что и для маркера *значит*. Теперь обратимся к единице *в общем-то*.

В спонтанной речи единица *в общем-то*, как показал анализ, в большей степени прагматикализуется. Количественно ПМ *в общем-то* появилось в 30% всех контекстов с этой единицей. Функциональный репертуар тоже оказался более разнообразным, чем у формы *в общем*. Однако все ПМ *в общем-то*, встретившиеся в подкорпусе, оказываются либо гезитационными, либо полифункциональными, ср.:

- 23) *в общем-то* (э) в данном тексте () говорится () о (а-а) () как мы понимаем / о женщине (И14_1);
- 24) (а-а) небо () *в общем-то* в такой сизой дымке (И15_4);
- 25) ну вот всегда находим какой-нибудь теннисный стол / или корт // и-и () *в общем-то* () (а-а) ну по очереди играем (И15_5).

Рис. 21. Интонограмма к примеру (23)

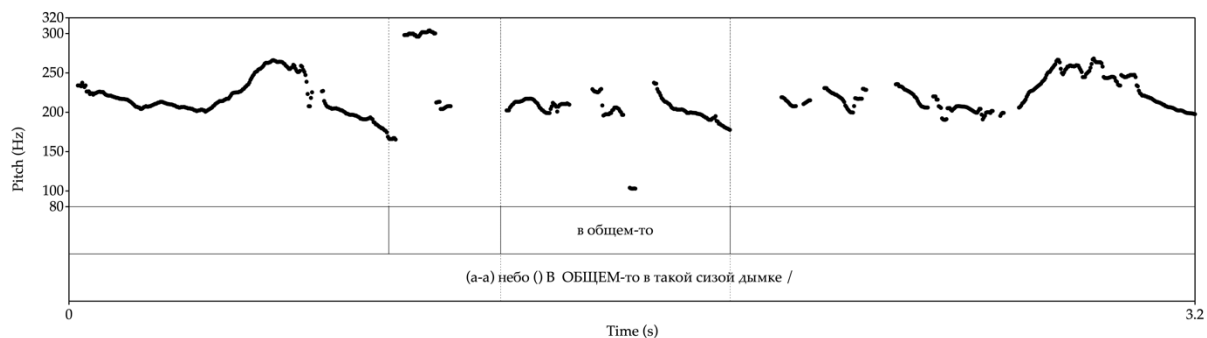

Рис. 22. Интонограмма к примеру (24)

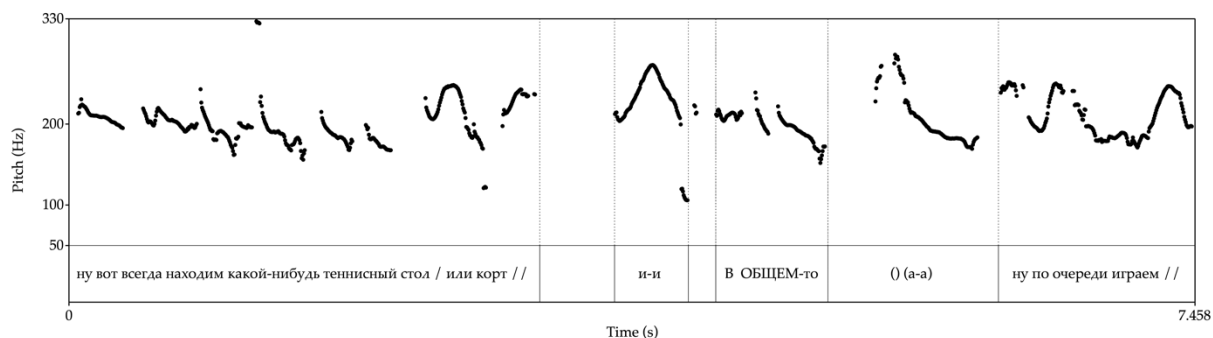

Рис. 23. Интонограмма к примеру (25)

Так, в примере (23) единица *в общем-то* выполняет стартовую функцию и одновременно заполняет паузу хезитации. В примере (24), оказываясь внутри высказывания, *в общем-то* тоже выполняет две функции (навигационную и хезитационную). Последний пример, как представляется, содержит монофункциональный маркер хезитации *в общем-то*.

На просодическом уровне наблюдаем в сущности те же признаки хезитации, что и для единиц *в общем* или *значит*. Так, средняя длительность ПМ *в общем-то* больше, чем ДМ (0,63 с. при σ 0,08 и 0,43 с. при σ 0,08). Паузация, интенсивность и движение тона в случае с этой единицей оказываются более непостоянными, поэтому достаточно трудно сделать

однозначные выводы. Однако одну особенность хезитационного *в общем-то* нельзя не отметить. Как представляется, она выражается в особом движении тона на *в общем-то*, ср. рис. 21-23. Последний слог растягивается (зачастую на него приходится бóльшая часть времени произнесения всего ПМ), тон постепенно понижается. В результате гласный в «частице» *-то* приобретает характер нефонемных вокализаций (э) или (а). С другой стороны, ДМ *в общем-то* такой особенности не имеет, ср.:

26) сумело в себе соединить () так много / на своей **в общем-то** небольшой территории (И4_5).

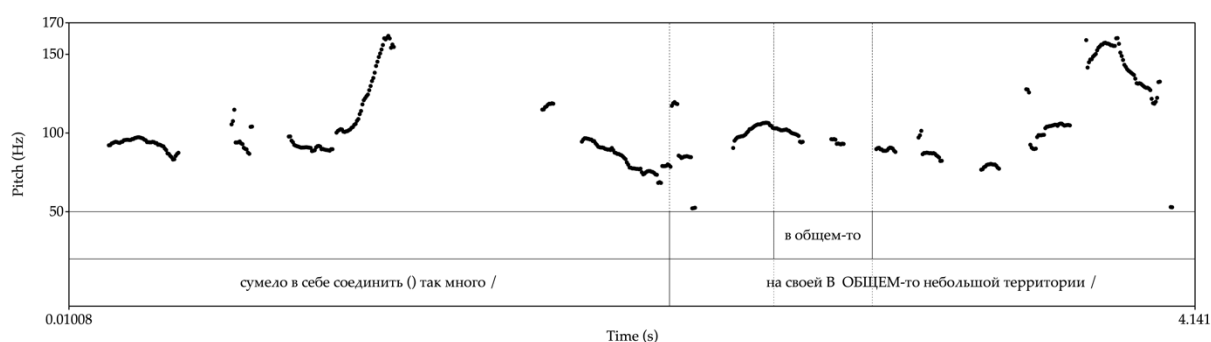

Рис. 24. Интонограмма к примеру (26)

В примере (26) *в общем-то* – дискурсивный маркер: он «усредняет» описываемую ситуацию и снижает категоричность определения (*в общем-то небольшой*). ДМ интегрируется в высказывание, а движение тона на частице ровное (см. рис. 24).

Подведем некоторые итоги. Во-первых, единицы *в общем* и *в общем-то* ведут себя в устной спонтанной речи весьма по-разному. Так, *в общем* остается ДМ, а *в общем-то* – активнее попадет под действие прагматикализации и «превращается» в ПМ. Конечно, пользовательский подкорпус настоящего исследования достаточно ограничен, поэтому данное наблюдение необходимо проверять на более широком материале: не исключено, что картина изменится. Во-вторых, интересной кажется мысль и о том, что природа «перехода» этих единиц в разряд ПМ кроется именно в хезитационной функции, которую они начинают выполнять по воле говорящих, приобретая соответствующие признаки: длительность

произнесения ПМ увеличивается, он обрастает средними и долгими, пустыми и заполненными паузами, как бы выпадая из структуры высказывания, а в случае с *в общем-то* – частично уподобляется вокализациям.

Обратимся теперь к описанию единицы *в принципе*.

2.3.2. Функциональные и просодические особенности единицы

В ПРИНЦИПЕ

В устной спонтанной речи единица *в принципе*, как и отмечают различные словари, употребляется в качестве «усредняющего» ситуацию ДМ, ср.:

27) *(э-э) он всё это () прекрасно в принципе осознал / и пытался от этого убежать (И9_1).*

Однако в материале пользовательского подкорпуса можно отметить еще один дополнительный оттенок передаваемого ДМ значения – «смягчение» категоричности высказывания, ср.:

28) *мне легко жить // в принципе я могу сказать что жить мне легко (И21_5).*

Так, в примере (28) говорящий произносит сначала фразу весьма «провокационную» (*мне легко жить*), однако затем, вероятно, решает ослабить категоричность, добавляя «усредняющий» ДМ и субъективность (*я могу сказать*).

ДМ *в принципе* обычно редуцируется, средняя длительность его произнесения составила 0,37 с. (σ 0,08). Типичная позиция этого ДМ – начало (28) либо середина (27) высказывания, лишь однажды форма *в принципе* замыкала собой фразу, ср.:

29) *гуляют животные // ну всё () понятно в принципе // одинокий дом (И38_4).*

Соответствующим образом распределяются и паузы: так, для начального *в принципе* отмечаются краткие левые паузы и отсутствие правых (иногда есть сверхкраткие), для «внутреннего» – отсутствие обеих пауз (с той же оговоркой по поводу сверхкратких). У единственного конечного

употребления формы *в принципе* появляется, напротив, долгая правая пауза при сверхкраткой левой.

Нельзя не отметить форму *в принципе-то*, которая всего один раз встретилась в материале исследования, ср.:

30) *то есть ну... можно и Золотой сен... ну / в принципе-то / как я и сказал / сентябрь октябрь месяц (И9_4).*

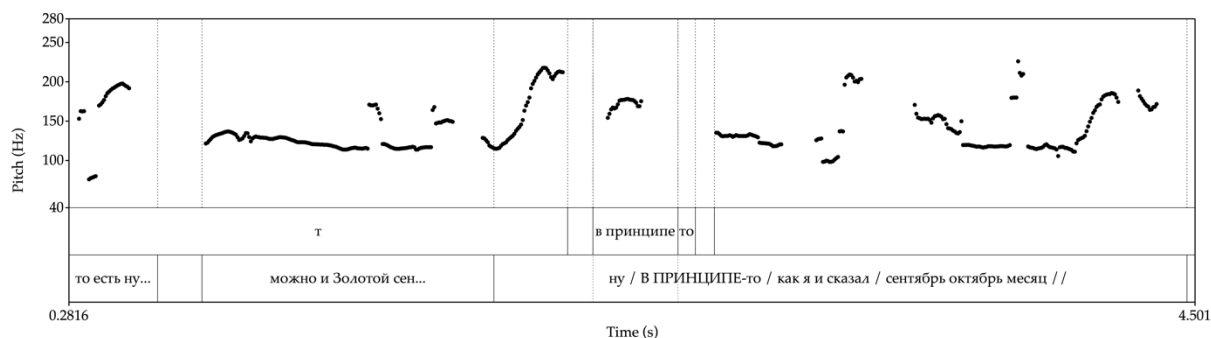

Рис. 25. Интонограмма к примеру (30)

В примере (30) ДМ *в принципе-то* реализуется в высоком для говорящего регистре и несет на себе эмфатический акцент. Удлинения и перехода в вокализацию, характерных для ПМ *в общем-то*, не отмечается, хотя при расширении материала такие случаи можно ожидать.

Примеры с ДМ *в принципе* составили 44 % от общего количества контекстов с этой единицей. Обратимся теперь ко второй половине материала.

В отличие от ПМ *значит, в общем и в общем-то*, единица *в принципе* – это, как оказалось в результате анализа, маркер финала (разновидность разграничительной функции), ср.:

31) *время к закату / к вечеру // в принципе всё // сухо и свежо (И36_2);*

32) *ну усыпили / можно так сказать // вот // ну / вкратце в принципе всё // наверно (И9_1);*

33) *(м-м) на лужайке пасется / какое-то животное // видимо это корова // ну и всё в принципе *С (И33_4).*

В примерах (31)-(33) говорящие, понимая, что уже готовы завершить монолог, используют своеобразные формулы-концовки (выделены подчеркиванием). Однако в примере (31) это «квазиконцовка», после

которой, спустя долгую паузу (1,85 с.) говорящий все-таки добавляет еще одну мысль. Следующие два примера содержат «настоящие» финальные формулы. Пример (32) любопытен протяженностью этой формулы, которая намекает на неуверенность информанта (см. и на последующее *наверно*) или же его желание еще хоть что-то досказать, а пример (33) любопытен смехом (*С), которым говорящий тоже завершает свой монолог.

Можно предположить, что финальный ПМ *в принципе* оказывается внутри такой «формулы» отчасти благодаря значениям, которые он передает в качестве ДМ. Иными словами, говорящие будто бы, с одной стороны, уже и сказали «самое главное» (усреднение, без подробностей), а с другой – смягчают свой финал (на случай, если все равно получилось немного). Однако все это происходит уже на коммуникативно-прагматическом уровне, именно поэтому можно говорить о форме *в принципе* как о финальном ПМ.

Итак, выделение финального ПМ *в принципе* обычно не представляется сложным именно благодаря наличию самой формулы. Просодически ПМ *в принципе* «заперт» в формуле, но может быть и в ее начале, и в середине, и в конце – см., соответственно, примеры (31)-(33). В связи с этим распределяются и паузы: исключительных случаев в материале не встретилось. Длительность произнесения маркера сильно варьируется: средний показатель равен 0,43 с. при стандартном отклонении в 0,11. Представляется, ответ стоит искать в исследовании темпа речи: перцептивно, именно финальную формулу *некоторые* говорящие произносят медленнее. Среди просодических особенностей финального *в принципе* можно отметить тихое произнесение, за исключением примера (33), где интенсивность ПМ выше на 13 dB. Скорее всего, причина кроется в паралингвистике – смехе говорящего. Однако каких-либо ярких дифференцирующих (ПМ vs ДМ) просодических признаков на материале исследования (за исключением догадок о темпе речи) обнаружить не удалось. Такой результат, в частности,

заставляет задуматься и о том, насколько действительно значимо разделять эти два типа функционирования единицы *в принципе*.

Контексты с финальным *в принципе* составили 32 % исследовательского материала. Еще 24 % – это неоднозначные, или переходные, случаи, которые, как представляется, требуют особого внимания, ср.:

34) *речушка наверно там () светится // в принципе ничего больше не могу сказать *С (И38_4);*

35) *холодно // вот () то есть (э-э) (...) ну больше в принципе я () ничего не могу сказать // ну небо мрачное (И28_4).*

В примерах (34)-(35), как представляется, достаточно сложно сделать четкий выбор (ДМ или ПМ): значения ДМ сохраняются, сама фраза функционирует уже как финальная, но лишена «формульности». Такие переходные случаи в настоящем исследовании выделялись в особую группу.

36) *осень ещё-ё (...) ну в принципе уже-е скажем серединка осени (И22_4).*

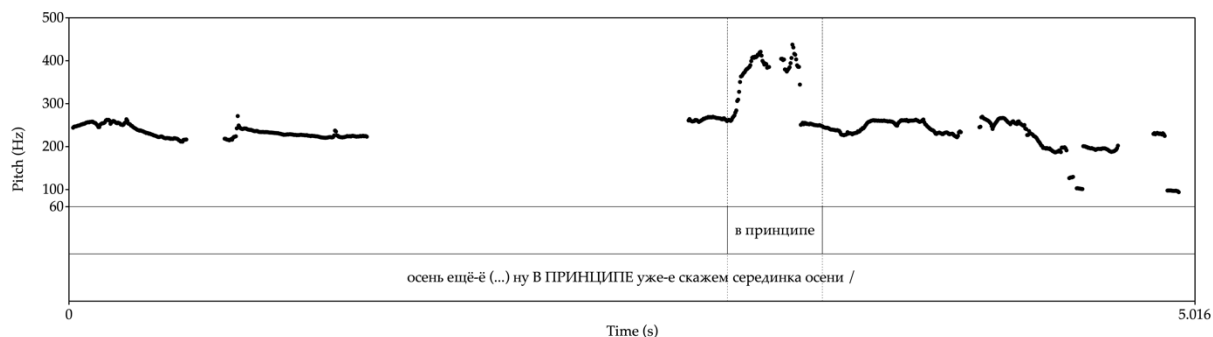

Рис. 26. Интонограмма к примеру (36)

Похожим образом складывается интерпретация единицы *в принципе* в примере (36). Во-первых, опираясь на контекстный анализ, можно определить *в принципе* как ПМ самокоррекции: говорящий, испытывая речевые трудности во время описания осени (*осень ещё...*), решает сказать иначе, провести коррекцию (*уже серединка осени*), чему помогают маркеры *в принципе* и *скажем*. С другой стороны, можно интерпретировать *в принципе* и как ДМ, помогающий отбросить второстепенные детали и провести обобщающее суждение. Решающим в пользу второй

интерпретации представляется акцент с восходящим тоном на форме *в принципе*, который можно интерпретировать как контрастивный. ДМ *в принципе* произносится выразительно, неспешно и громко (разница интенсивности всего 1 db)³⁰.

Наконец, обратимся к последней группе примеров, которые хотелось бы рассмотреть, ср.:

- 37) *так как мы приехали уже поздно в пятницу / (...) в принципе () подышали воздухом / и легли спать (И20_5);*
- 38) *сделать какие-то () бытовые дела // на которых нет время () в будний день // (...) в принципе () потом () спать // всё (И36_5);*
- 39) *отпуск и отдых / это для меня в принципе () одно () слово (И28_5).*

В этих контекстах единица *в принципе* «транслирует» свое типичное значение ДМ, но при этом окружается нехарактерными паузами (см. рис. 27). Особенно стабильно присутствует пауза справа, которая, как было сказано выше, не встречается у ДМ *в принципе* (за исключением позиции конца фразы).

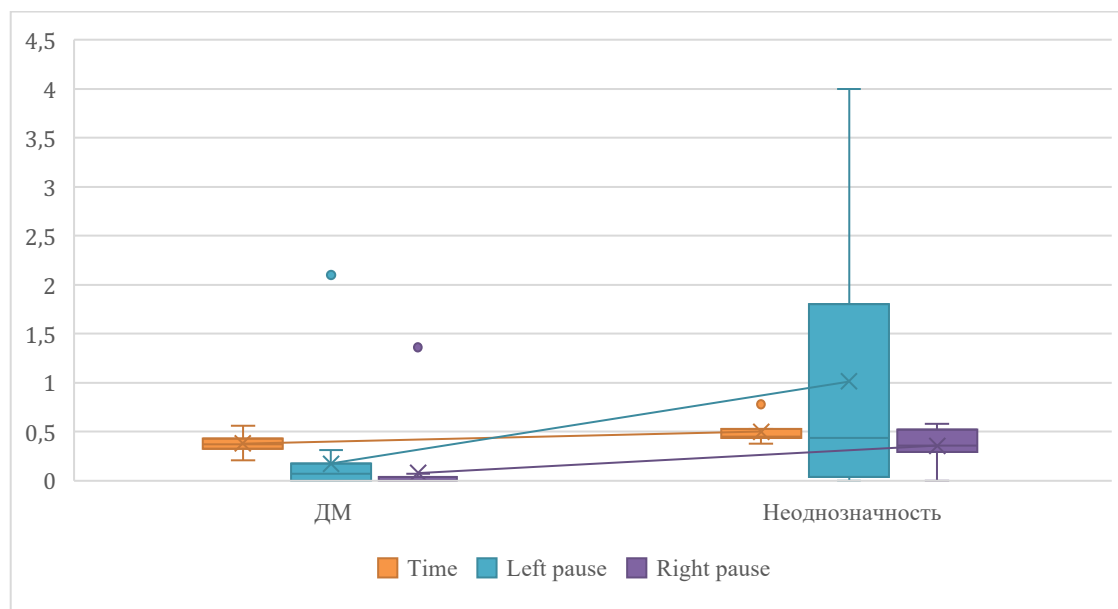

Рис. 27. Диаграмма с распределением признаков ДМ *в принципе* и неоднозначных случаев

³⁰ Конечно, предложенная интерпретация может быть «подправлена», если окажется, что это – типичные просодические признаки маркеров самокоррекции. Однако пока данных для сопоставления не обнаружено.

В результате можно предположить появление «налета» хезитативности уже на ДМ *в принципе*.

Таким образом, единица *в принципе* оказывается тоже вовлечена в процесс перехода в область прагматики, который оказывается еще более плавным и нечетким, чем у единицы *в общем*. При этом «уловить» переходные состояния в контексте без обращения к просодии оказывается гораздо сложнее.

2.4. Выводы по главе

Настоящий анализ, безусловно, нельзя назвать исчерпывающим; представляется, что в этом направлении можно двигаться как экстенсивно (привлекая больше корпусных данных или же исследуя другие единицы и другие функции), так и интенсивно (учитывать новые признаки: темп речи, подробный анализ интонации и проч.). Однако проведенный анализ все же позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, вопреки первоначальным ожиданиям, все исследуемые единицы обладают особым набором функциональных особенностей, что, наверное, и следует ожидать при исследовании спонтанной, «живой», речи. Например, формы *в общем*, *в общем-то* и *в принципе* как ДМ действительно синонимичны, а как ПМ – почти «антонимы» (маркеры старта/финала)! Более того, такие близкие единицы, как *в общем* и *в общем-то*, тоже в разной степени склонны к прагматикализации, что отражается на особенностях их функционирования в речи. К сожалению, уже в процессе анализа материала оказалось, что функции единиц *в общем/в общем-то* и *в принципе* распределяются иначе, чем у *значит*. Несмотря на это, некоторые наблюдения относительно интересующей нас в настоящем исследовании хезитационной функции ПМ сделать, безусловно, можно.

Во-вторых, по данным анализа и, в случае со *значит*, проведенного эксперимента, хезитационная функция (как в «чистом» виде, так и в полифункциональных случаях) – действительно обладает своеобразными,

но яркими особенностями. На материале исследуемых маркеров можно отметить следующие признаки. Конечно, ощутимо увеличивается длительность произнесения маркера, в том числе за счет скандированного произношения или удлинения *-то* и перехода в вокализацию. Появляются паузы разной локализации и длины: особенно не свойственна исследуемым единицам и поэтому маркирована именно правая пауза, поэтому даже краткая правая пауза уже меняет интерпретацию. В связи с этим хезитационные маркеры «отрываются» от контекста, в отличие от «чистых» разграничительных маркеров, которые обычно интегрированы в высказывание. В разных контекстах на первый план могут выходить и другие признаки например, наличие акцента, характер движения тона и проч. К сожалению, проверить, действительно ли степень прагматикализации единицы соотносится с громкостью не удалось, скорее, можно отметить общую тенденцию к более тихому произношению и ДМ, и ПМ по сравнению с содержательной частью высказывания (тоже не без особых случаев нарушения этой тенденции).

Просодия оказывается полезной и при различении монофункциональных и полифункциональных случаев. Особенно это заметно на примере единицы *значит*. Несмотря на то что исследовалась речь разных людей (мужчин и женщин всех возрастных групп), монофункциональный ПМ *значит*, например, произносится почти всегда *одинаково* быстро (об этом говорит низкий показатель стандартного отклонения от среднего значения), а полифункциональный – наоборот, отличается *вариативностью* (высокий показатель стандартного отклонения).

Если ПМ *значит* представляет собой «статичный» материал для исследования дифференцирующих признаков разных функций (единица полностью прагматикализована и будто давно «освоилась» на этом уровне), то *в общем/в общем-то* и *в принципе* – это материал «динамичный» (идет активная прагматикализация) и более сложный для выводов. Между тем,

признаки хезитационной функции хорошо отмечаются уже на этом этапе, что еще раз возвращает к мысли об особой «власти», которой обладает хезитация в устной дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено анализу особенностей (функциональных, позиционных, просодических, перцептивных) единиц *значит*, *в общем/в общем-то* и *в принципе* в русской устной речи.

Источником материала для исследования послужил корпус звучащей монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», а именно 195 монологов информантов-юристов (объем подкорпуса составил (~39 тыс. токенов).

На первом этапе исследования был проведен обзор научной литературы о хезитационных явлениях, прагматических маркерах и их просодических признаках. Кроме того, с опорой на словари и грамматики было составлено представление о значениях и функциях исследуемых единиц в устной русской речи.

В ходе подготовки к исследованию все имеющиеся в пользовательском подкорпусе контексты с анализируемыми единицами были специально подготовлены к работе в программе профессионального фонетического анализа Praat. Далее для каждой единицы, начиная со *значит* и заканчивая формой *в принципе*, последовательно был определен ее статус в конкретном контексте, выделены и обработаны просодические признаки (длительность, паузация, движение тона, интенсивность), на основе интерпретации которых сформулированы некоторые закономерности для каждой функции. Исследование не ограничено описанием признаков одной хезитационной функции, ведь осознание значимых различий возможно через сопоставление признаков разных функций. Таким образом, другие функции изучаемых единиц описаны, но воспринимаются как «фон», на котором проступает специфика собственно хезитационной функции. В исследовании не только обнаруженные тенденции, но и трудные, проблемные, случаи для разных функциональных типов всех трех единиц иллюстрируются множеством примеров. Для проверки исследовательских наблюдений о признаках разных

функций единицы *значит* был проведен перцептивный эксперимент, методика и результаты которого тоже описаны.

Многоаспектный анализ особенностей единиц *значит*, *в общем / в общем-то* и *в принципе* в русской устной речи позволил сделать следующие наблюдения и выводы:

- исследуемые единицы обладают разной степенью прагматикализованности;
- дифференцирующими при выделении функций исследуемых единиц являются признаки длительности и паузации, именно они под влиянием хезитации оказываются наиболее изменчивыми и перцептивно значимыми (как показал эксперимент для единицы *значит*);
- единицы *в общем/в общем-то* и *в принципе* находятся на этапе перехода на коммуникативно-прагматический уровень, что создает проблему четкого разграничения разных типов (ДМ vs ПМ) функционирования этих единиц, однако просодия если не всегда может дифференцировать статус единиц, то, объединяясь с другими средствами языка, помогает отличить такие переходные случаи от более однозначных;
- полифункциональные ПМ имеют просодические отличия от монофункциональных, что выражается, в частности, в переносе просодических признаков хезитации на маркеры (как прагматические, так и дискурсивные), выполняющие другую функцию в контексте.

К *перспективам* настоящего исследования можно отнести, во-первых, расширение материала пользовательского подкорпуса; во-вторых, исследование дифференцирующих признаков других маркеров и других функций; в-третьих, использование, в русле исследований мультимодальной лингвистики³¹, визуального информационного канала и поиск дифференцирующих признаков ПМ на уровне жестикуляции.

---

³¹ О мультимодальной лингвистике см.: Кибрик 2008.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ДМ – дискурсивный маркер
- ИК – интонационные конструкции
- ОРД – корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»
- ПМ – прагматический маркер
- ПХ – пауза хезитации
- САТ – корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»
- ХПМ – хезитационный прагматический маркер
- ХЯ – хезитационное явление
- ЧОТ – частота основного тона
- ЭДЕ – элементарная дискурсивная единица
- ТоRI – транскрипция русской интонации

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О. А.* Речекоммуникативный статус паузы колебания: дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 208 с.
2. *Александрова О. А., Иваницкий В. В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2003, № 25. – С. 95-101.
3. *Антипова А. М.* Просодия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 401-402.
4. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. *Е. В. и Т. В. Вентцель;* Ред., вступ. статья [с. 3-19] и примеч. *Р. А. Будагова.* – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
5. *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
6. *Белицкая А. А.* О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. – 2014, № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2014/02/697> (дата обращения – 18.03.2021).
7. *Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Рыко А. И., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 8 (15) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик.* – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 38-44.
8. *Богданова-Бегларян Н. В.* Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов в русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19) / Гл. ред. *В. П. Селегей.* – М.: РГГУ, 2013. – С. 125-137.
9. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятие и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2014, № 3 (27). – С. 7-20.
10. *Богданова-Бегларян Н. В.* Об одной из проблем современной коллоквиалистики (в поисках терминов для новых единиц) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. *А. Б. Копелиовича* и 100-летию педагогического образования во

- Владимирской области (г. Владимир, 24-26 сентября 2019 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2019а. – С. 86-90.
11. *Богданова-Бегларян Н. В.* Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // *Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования* / Под ред. *О. И. Глазуновой и К. А. Роговой.* – М.: ЛЕНАНД, 2019б. – С. 436-446.
  12. *Богданова-Бегларян Н. В.* Конъюнкционализация как активный процесс русской устной речи // *Международный симпозиум «Русская грамматика 5.0: система – узус – языковое варьирование»*, 19-21 сентября 2021 года, Университет Потсдама, Германия. – Потсдам, 2021. – В печати.
  13. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара* / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скредин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017а. – С. 14-20.
  14. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // *Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара* / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скредин.* – СПб.: Политехника-принт, 2017б. – С. 8-13.
  15. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю.* Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // *Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки* / Гл. ред. *А. М. Молдован.* Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян.* – М., 2019а. – С. 111-126.
  16. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И.* Корпус естественной речи: проблемы ручного аннотирования прагматических маркеров и пути их решения // *Анализ разговорной русской речи (АР³-2019): Труды восьмого междисциплинарного семинара* / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скредин.* – СПб.: Политехника-принт, СПб., 2019б. – С. 5-10.
  17. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И.* Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // *Компьютерная лингвистика*

- и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г.). Вып. 18 (25) / Гл. ред. *В. П. Селегей*. – М.: РГГУ, 2019в. – С. 72-85.
18. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю.* Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. *А. М. Молдован*. Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян*. – М., 2019г. – С. 101-110.
  19. *Бокале П.* Роль текстовых коннекторов в молодежной речи // <http://www.russian.slavica.org/article514.html> (2010) (дата обращения – 18.02.2021).
  20. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977. – 175 с.
  21. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. – М.: Русский язык, 1977. – 279 с.
  22. *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. Т. 1. / Под ред. *Н. Ю. Шведовой*. – М.: Наука, 1980. – С. 96-122.
  23. *Васильева А. Н.* Частицы разговорной речи. – М.: Моск. ун-т, 1964. – 186 с.
  24. *Вольская Н. Б., Качковская Т. В.* Принципы просодической разметки в новом корпусе русской спонтанной речи CORUSS // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII Международной научной конференции / Отв. ред. *М. Л. Каленчук*. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 29-31.
  25. *Вольская Н. Б., Скредин П. А.* Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики // Анализ разговорной русской речи: третий междисциплинарный семинар (АР³-2009) / Сост. *А. Л. Ронжин*. – СПб.: ГУАП, 2009. – С. 28-40.
  26. *Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. – № 5, 1986. – С. 98-106.
  27. *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 442. Лингвистическая семантика и семиотика I / Отв. ред. *М. А. Шелякин*. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. – С. 63-112.

28. *Граф Е. И.* Прагматикализация и грамматикализация в языке // Материалы II Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г. – С. 259 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2012> (дата обращения – 25.03.2021).
29. *Дараган Ю. В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. – Протвино: РГГУ, 2000. – С. 67-73.
30. *Дараган Ю. В.* Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды международного семинара «Диалог-2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/daragan/> (2002) (дата обращения – 18.03.2021).
31. *Дараган Ю. В.* Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Доклады международной конференции «Диалог-2003». – М.: РГГУ, 2003. – С. 166-178.
32. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
33. *Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания* / Под ред. *К. Л. Киселевой, Д. Пайара.* – М.: Метатекст, 1998. – 280 с.
34. *Дискурсивные слова русского языка: варьирование и семантическое единство. Сб. статей* / Под ред. *К. Л. Киселевой, Д. Пайара.* – М.: Азбуковник, 2003. – 207 с.
35. *Зайдес К. Д.* Об унификации разметки корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019». 24-28 июня 2019 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. *В. П. Захаров.* – СПб.: СПбГУ, 2019. – С. 332-340.
36. *Зайдес К. Д.* Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2020. – 247 с. (машинопись).
37. *Зайдес К. Д., Попова Т. И., Богданова-Бегларян Н. В.* Аннотирование прагматических маркеров в корпусе «Один речевой день» // XV Международная конференция по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL 2018 (31 октября – 3 ноября 2018 г., г. Казань,

- Россия). Сб. трудов: в 2-х томах. Т. 1. – Казань: Изд-во АН РТ, 2018. – С. 147-152.
38. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Уч.-метод. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
39. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
40. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
41. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1987. – 237 с.
42. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
43. *Ильминская Н. И.* Модальные слова // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика. / Под ред. *О. Б. Сиротининой.* – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С. 187-194.
44. *Капустина Т. Д.* К вопросу о конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы *по идее*) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17-19 мая 2019 года). Сб. научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. *В. Н. Степанов*; отв. ред. *Л. В. Ухова.* – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 138-147.
45. *Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (*а, но, ну*) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / Отв. ред. *Л. П. Крысин.* – М.: Азбуковник, 2000. – С. 157-169.
46. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика: направления исследования // Обработка текста и когнитивные технологии. Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды X международной конференции / Под ред. *В. Н. Полякова.* – Казань: Изд-во Казанского университета, 2008. – С. 132-145.
47. *Кибрик А. А., Кодзасов С. В., Худякова М. В.* Просодическая транскрипция: уровни детализации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной

- Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15) / Отв. ред.: А. Е. Кибрик. – М.: РГГУ, 2009. – С. 143-148.
48. Кибрик А. А., Подлесская В. И. К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2003, № 6. – С. 5-11.
  49. Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса.* – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
  50. Кодзасов С. В. *Просодический строй русской речи* / Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Институт русского языка РАН, 1996. – 256 с.
  51. Кодзасов С. В. *Исследования в области русской просодии.* – М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с.
  52. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика.* – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 592 с.
  53. Крылова Г. М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением. Дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002. – 197 с. (машинопись).
  54. Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи (вставные элементы в речевом потоке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 22 с.
  55. Мартине А. Основы общей лингвистики / Пер. с фр. В. В. Шеворошкина; под ред. и со вступ. ст. В. А. Звегинцева // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 366-566.
  56. Милянчук Н. С. Лексикализованные предложно-падежные словоформы как средство снижения категоричности высказывания // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сб. статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / Отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2016. – С. 162-172.
  57. Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. – 1970, № 3. – С. 117-123.
  58. Николаева Т. М. *Фразовая интонация славянских языков.* – М.: Наука, 1977. – 277 с.
  59. Николаева Т. М. *Семантика акцентного выделения.* – М.: Наука, 1982. – 104 с.

60. *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. – М.: Наука, 1985. – 170 с.
61. *Оде С.* Перцептивный анализ интонации // Проблемы фонетики I. – М.: Прометей, 1993. – С. 199-211.
62. *Оде С.* Заметки о понятии тональный акцент на примере русского языка // Проблемы фонетики V. – М.: Наука, 2007. – С. 237-249.
63. *Пальшина Д. А.* Редуцированные формы русской речи: история и перспективы лексикографического описания. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 147 с.
64. *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. Учебник для ун-тов. – М.: Высшая школа, 1979. – 256 с.
65. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 6-20.
66. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. – 2006, № 2 (12). – С. 7-55.
67. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2007, № 2 – С. 2-23.
68. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 19 (26) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 390-395.
69. *Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Нестор-История, 2021, 528 с. – В печати.
70. *Раева О. В., Риехакайнен Е. И.* Синтагма и сегментация устной спонтанной речи // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2015, № 7. – С. 14-20.
71. *Разлогова Е. Э.* К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 9. Филология. – 2003, № 6. – С. 152-169.
72. *Розанова Н. Н.* Супraseгментная фонетика // Русская разговорная речь: Фонетика, Морфология, Лексика, Жест / Под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1983. – С. 5-80.

73. *Русская грамматика*. Т. 1. / Под ред. *Н. Ю. Шведовой*. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
74. *Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. *Н. В. Богдановой-Бегларян*. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
75. *Рыко А. И., Степанова С. Б.* Многоуровневая лингвистическая разметка звукового корпуса русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – С. 460-465.
76. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
77. *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1982. – 176 с.
78. *Светозарова Н. Д.* Темп речи // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 508.
79. *Сергеева Г. Н.* Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. *Е. А. Стародумова*. – Владивосток: ДВГУ, 2001. – 363 с.
80. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 143 с.
81. *Скребнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Под ред. *О. Б. Сиротининой*. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
82. *Степанова С. Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Выпуск 20. Секция фонетики. Часть 1. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. – С. 24-32.
83. *Стойка Д. А.* Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2017. – 211 с. (машинопись).
84. *Стойка Д. А.* Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 101 с.
85. *Урысон Е. В.* Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание»? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М.: Наука, 2005. – С. 469–481.

86. *Фонетика спонтанной речи* / Под ред. *Н. Д. Светозаровой*. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 243 с.
87. *Шерстинова Т. Ю.* Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*. Вып. 15 (22) / Гл. ред. *В. П. Селегей*. – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 616-632.
88. *Шерстинова Т. Ю., Степанова С. Б., Рыко А. И.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // *Материалы XXXVIII международной филологической конференции*. Секция: «Формальные методы анализа русской речи». – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 66-75.
89. *Шмелев А. Д.* Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // *Русский язык в контексте современной культуры*. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 151-153.
90. *Шмелев А. Д.* Заполнители пауз как коммуникативные маркеры // *Жанр интервью: особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге* / Под ред. *М. Лейнонен*. – Tampere: Tampere University Press, 2004. – С. 205-222.
91. *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой* / Отв. ред. *В. Н. Топоров*. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 518-530.
92. *Шмелев А. Д.* Языковые факты и корпусные данные // *Русский язык в научном освещении*. – 2010, № 19 (1). – С. 236-265.
93. *Щерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку*. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 11-20.
94. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. – М: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
95. *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. – М: Языки славянской культуры, 2008. – 312 с.
96. *Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / *Matoušek, V., Mautner, P.* (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 57292009. – Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. – Pp. 250-257.
97. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Martynenko, G.* An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian

- // SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016a. – Pp. 100-107.
98. *Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Blinova, O., Baeva, E., Martynenko, G., Ryko, A.* Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speec // SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 9811. – Springer, Switzerland, 2016b. – Pp. 659-666.
  99. *Bogdanova-Beglarian, N. V., Filyasova, Yu. A.* Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna ART Conference Proceedings, 19-21 March, 2018. – Vol. 5, Issue 3.1. – Pp. 123-130.
  100. *Bogdanova-Beglarian, N., Blinova, O., Martynenko, G., Sherstinova, T., Zaides, K.* Pragmatic Markers in Russian Spoken Speech: an Experience of Systematization and Annotation for the Improvement of NLP Tasks // Proceedings of the FRUCT'23. Bologna, Italy, 13-16 November 2018 / *S. Balandin, T. Salmon Cinotti, F. Viola, T. Tyutina* (eds.). – FRUCT Oy, Finland, 2018. – Pp. 69-77.
  101. *Bybee, J. L., Perkins, R. D., Pagliuca, W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 420 p.
  102. *Cabarrão, V., Moniz, H., Ferreira, J., Batista, F., Trancoso, I., Mata, A., Curto, S.* Prosodic Classification Of Discourse Markers // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences Conference. – Glasgow: the University of Glasgow, 2015. – [Online version] URL: <https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2015/proceedings.html> (дата обращения – 10.03.2021).
  103. *Chafe, W.* Some Reasons for Hesitating // Temporal variables in speech / Ed. by *H. Dechert, M. Raupach*. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2011. – Pp. 169-180.
  104. *Didirkova, I., Christodoulides, G., Simon, A.-C.* The Prosody of Discourse Markers *alors* and *et* in French. A Speech Production Study // Proceedings of the 9th International Conference on Speech Prosody. 13-16 June 2018, Poznań, Poland. – [Online version] URL: https://www.isca-speech.org/archive/SpeechProsody_2018/ (дата обращения – 30.03.2021).
  105. *Du Bois, J. W., Schuetze-Coburn, S., Cumming, S., Paolino, D.* Discourse Transcription // Santa Barbara Papers in Linguistics. Vol. 4. – Santa Barbara: Dep. of linguistics UCSB, 1992. – 235 p.

106. *Edwards, J. A.* The Transcription of Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / Eds. *D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton.* – Oxford: Blackwell, 2001. – Pp. 321-348.
107. *Frank-Job, B. A.* Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles / *K. Fischer* (ed.). – Amsterdam: Elsevier, 2006. –395-413.
108. *Goldman-Eisler, F.* Pauses, Clauses, Sentences // Language. Speech. – 1972, № 15. – Pp. 103-113.
109. *Goodwin, Ch.* Conversational Organization: Interaction Between Speakers And Earers. – New York: Academic Press, 1981. – 207 p.
110. *Hansson, P.* Prosodic and Lexical Correlates of Swedish Discourse Markers in Spontaneous Dialogue // Proceedings of 14th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-14). – San Francisco: University of California, 2004. – Pp. 1533-1536.
111. *Hopper, P. J.* Where Do Words Come from? // Studies in Typology and Diachrony / *W. A. Croft, S Kemmer, K. Denning* (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 1990. – Pp. 151–160.
112. *Hopper, P. J.* Phonogenesis // Perspectives on Grammaticalization / *W. Pagliuca* (ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1994. – Pp. 29–45.
113. *Lakoff, R.* If's, and's and but's about Conjunction // Studies in Linguistic Semantics. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – Pp. 114-149.
114. *Lam, P.* What a Difference The Prosody Makes: The Role of Prosody in The Study of Discourse Particles // Where Prosody Meets Pragmatics (Studies in Pragmatics) / Eds. *D. Barth-Weingarten, N. Dehe, A. Wichmann.* – Bingley: Emerald, 2009. – Pp. 107-126.
115. *Lehmann, C.* Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. – München: LINCOM Europa, 1995. – 230 p.
116. *Lounsbury, F. G.* Pausal, Juncture and Hesitation Phenomena // Psycholinguistics. – Baltimore: Waverly Press, 1954. – Pp. 96-101.
117. *Maclay, H., Osgood, C. E.* Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // Word. –1959, № 15. – Pp. 19-44.
118. *Maschler, Y., Schiffrin, D.* Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by *D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin.* – New York: John Wiley & Sons, Inc., 2015. – Pp. 189-222.
119. *Matzen, L.* Discourse markers and prosody: a case study of *so* // Proceedings of LACUS Forum XXX: Language, Thought, Reality / Ed. by

- W. J. Sullivan, G. D. Fulton, A. R. Lommel.* – Houston: The Linguistic Association of Canada and the United States, 2004. – Pp. 75-94.
120. *Ode, C.* Russian Intonation: A Perceptual Description, Vol. 1-2. // Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 13. – Amsterdam: Brill, 1989. –304 p.
121. *Stepanova, S.* Russian Spontaneous Speech Rate – Based On The Speech Corpus Of Russian Everyday Interaction // Proceedings of 17th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-17). – Hong Kong: University of Hong Kong, 2011. – Pp. 1902-1905.
122. *Tommla, H.* Прямо прямо идет, а с нею не разминешься (о статусе дискурсивных слов и частиц) // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by *J. Lindstedt et al.* – Helsinki, 2008. – Pp. 410-420.
123. *Volin, J, Weingartová, L, Niebuhr, O* The Prosody of the Czech Discourse Marker ‘Jasně’: An Analysis of Forms and Functions // *Phonetica*. Vol. 73. – 2016, № 3-4. – Pp. 314-337.
124. *Wichmann, A., Simon-Vandenberg, A-M., Aijmer, K.* How Prosody Reflects Semantic Change: a Synchronic Case Study of *of course* // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalisation / Eds. *K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Cuyckens.* – Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 103-54.
125. *Zaides, K., Popova, T., Bogdanova-Beglarian, N.* Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018 / Ed. by *A. Elizarov, N. Loukachevitch.* – Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky, Institute of Mathematics and Mechanics, Kazan, Russia; Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, Moscow, Russia. 2018. – Pp. 128-143.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ИНЫХ РЕСУРСОВ

1. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. *С. А. Кузнецова*. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.
2. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс] – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (2009) (дата обращения – 18.03.2021).
3. *МАС* – Словарь русского языка в 4 томах. / Под ред. *А. П. Евгеньевой*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения – 18.03.2021).
4. *Пекелис О. Е.* Корреляты // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс] – URL: <http://rusgram.ru/Корреляты> (2018) (дата обращения – 18.03.2021).
5. Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. *Е. А. Стародумова*. – Владивосток: ДВГУ, 2001. – 363 с.
6. *Boersma P., Weenink D.* Praat: Doing Phonetics by Computer. Version 6.1.11 (<http://www.praat.org/>).
7. <https://www.fon.hum.uva.nl/tori/ru/>